

Рац М.В.

Некоторые соображения к концепции диалогического подхода в деятельности СМИ по формированию в обществе установок толерантного поведения ¹

Я думаю, что эту страничку было бы легче читать после следующего затем основного текста, но, поскольку, с другой стороны, ее содержание очень важно для понимания того, что там говорится, помещаю ее в начале.

Настоящая работа выполнялась по заказу Независимого института коммуникативистики (НИК) в ноябре 2002 г. в рамках федеральной целевой программы (ФЦП) «Формирования установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе на 2001-2005 годы». Работая над текстом, я полагал, что он составит соответствующий раздел отчета по разработавшейся НИК теме, посвященной СМИ. Однако, в отчеты, переданные Заказчику, вошли лишь более или менее значительные и притом разрозненные фрагменты моей работы, иными словами нижеследующий текст использовался в качестве *материала* для отчетов. В качестве наброска концепции текст просто перестал существовать. Я не видел бы в этом ничего страшного, но соображения, казавшиеся мне наиболее важными, ушли на второй план или просто исчезли, а смысл оставшихся при этом, естественно, изменился.

Речь идет, прежде всего, об установке на реализацию идей толерантности и диалога в нашей текущей работе, «здесь и теперь» в отличие от безусловно увлекательных разговоров *pro* эти, существующие независимо от нас предметы «вообще». Не менее существенно в данном контексте различие проблемной и задачной организации мышления, которое для меня теснейшим образом увязывается с различием диалога и монолога, с одной стороны, а также программной и плановой организации нашей работы, – с другой. Я рассматриваю ситуацию разработки данной темы как проблемную, и нижеследующий текст обращен непосредственно к соавторам отчета и держателям программы. Если бы от них последовали ответы, наша работа могла бы стать совсем иной: она организовывалась бы программно, и развертывалась в режиме диалога.

Однако сделать все это в рамках запланированных и утвержденных (NB) сроков было, мягко выражаясь, трудно. По ходу дела, я в очередной раз убедился, что использование программной организации работы для исполнения плановых заданий само по себе представляет проблему. Здесь мало что зависит от персоналий: все упирается в нормативную антипрограммную (плановую, монологичную, задачную) систему организации работ по федеральным целевым

¹ Я надеюсь, что нет нужды обосновывать появление этой работы на страницах «Этнометодологии»: известно, что основные проявления экстремизма и нетерпимости связаны с этнонациональными различиями. Недавно об этом еще раз напомнили Ю.В.Зорин и Э.А.Паин, подчеркнув, что связывают распространение идей толерантности, прежде всего, с деятельностью интеллектуальной элиты («Независимая газета», 12.02.03).

«программам» и соответствующие требования к отчетам. Поэтому не приходится удивляться тому, что фрагменты моего текста, попавшие в отчеты, приобрели безличную, квазинаучную форму. Действительно, в том повороте, который я ей пытался придать, данная работа невыполнима в рамках означенной системы. Так что, может быть, в исходной постановке задачи Заказчиком (распространение идей толерантности и не более) есть, что называется, великая сермяжная правда. В рамках действующей системы нам не дано выйти за рамки идеологии. Если мы хотим большего, то, как говорилось в старом анекдоте, «ую систему менять надо». А пока будем распространять посредством СМИ идеи толерантности и писать монологи о диалоге. Прямо очередная эпоха просвещения! Мудро поступил И.М.Дзялошинский, перенеся мои соображения о программной организации в заключение к отчету. Тем самым он превратил их из требований к себе (и ко всем участникам нашей общей работы) в пожелания к другим, перевел их из числа актуальных для текущей работы в разряд потенциальных, в задел для будущего. Ну что ж, в условиях распространения толерантности можно и подождать. Не зря же Россия славится своим потенциалом.

Для настоящей публикации подготовленный ранее текст несколько переработан и дополнен.

I. Ситуационный анализ

Постановка вопроса

Диалогический подход в деятельности СМИ по формированию в обществе установок толерантного поведения вовсе не является единственно возможным. Другое дело, что, с моей точки зрения, он наиболее релевантен поставленной задаче. Но релевантность не обещает простоты реализации. Ведь диалогический подход обозначает превращение СМИ в СМК, а коммуникацию, – если понимать ее как диалог, – нельзя сводить к информации. Собственно, более или менее развернутая аргументация в пользу высказанной точки зрения и составляет содержание данной работы. По смыслу дела, она должна перерасти в диалог между сторонниками разных взглядов по обсуждаемому кругу вопросов.

Я согласился принять участие в работе над данным проектом, разделяя *интенции* и *идеологию* разработчиков так называемой «федеральной целевой программы» («Формирования установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе на 2001-2005 годы») и проекта, направленного на создание научно обоснованных методик использования СМИ для этих несомненно благородных целей.

Однако у меня есть собственные взгляды как на содержание этой работы, так на перспективы, стратегию, формы, методы и средства ее реализации. Конечно, взгляды эти культурно опосредованы, и вслед за Майклом Уолцером (2000, с. 21) я излагаю «собственную точку зрения на то, как следует обустроить действительность, каким образом лучше всего организовывать мирное сосуществование, применительно к условиям своего места и времени...», бо-

лее того, в рамках определенной ситуации, которую мне еще придется специально прорисовывать.

Касательно содержания, я бы сказал для начала, что «*толерантность*» может обозначать три достаточно разные вещи: 1) *ценностную ориентацию сознания*, 2) *владение соответствующими техниками взаимоотношений и взаимодействий с «другим»*, 3) *характеристику становящейся в результате распространения указанной ориентации и техник культуры (со)общества*. Подозреваю, что речь о «формировании установок толерантного сознания» в программе идет потому, что ее авторы не различают этих трех значений. Сама по себе (пере)ориентация на толерантность недостаточна: чтобы она реализовалась в жизни и деятельности, ее должны сопровождать соответствующие (если воспользоваться педагогическим языком) «знания, умения и навыки». А если мы хотим к тому же, чтобы она устойчиво воспроизводилась, все перечисленное должно стать достоянием не отдельных личностей, а органической частью культуры. Так что три указанных значения слова «толерантность» надо понимать как три этапа реализации идеи толерантности: от формирования и распространения идеологии до соответствующей перестройки культурных норм и стиля жизни общества.

Нельзя, впрочем, исключить и такого видения ситуации, согласно которому авторы программы все это прекрасно понимают и именно поэтому, т.е. вполне осознанно и целенаправленно, ограничивают программу первым из названных этапов работы. Тогда остается только недоумевать, почему же сказанное выше не сказано в программе. Так или иначе, я далее буду исходить из перспективы реализации всех трех указанных этапов работы в целом.

Все, что следует за «формированием установок» – т.е. первым, идеологическим этапом: разработка концепции, программы действий и их реализация, – в моем представлении неотъемлемо от использования и распространения диалогично организованного мышления и диалога как важнейшей формы коммуникации. Толерантность, сама по себе, общественно полезна, но возможности ее ограничены. Обостряя тезис для ясности, я бы сказал, что она позволяет избегать недоразумений и кухонных склок, но бессильна помочь в разрешении конфликтов, за которыми стоят проблемы. Проблемы либо снимаются силой (известно же: нет человека, нет проблемы), от чего толерантность и призвана нас уберечь, либо разрешаются посредством диалога, к которому, как я полагаю, она должна нас подтолкнуть. Боюсь, что такое представление (оно будет раскрыто во втором разделе статьи) сильно отличается от ограничения установкой на смену или даже коррекцию господствующих в обществе ценностных ориентаций. Но смена ориентации тоже дело непростое, и одной агитации для этого мало, а в данном случае речь должна идти о гораздо более глубоких изменениях.

Для начала я заметил бы, что переориентация общественного сознания на идеи толерантности в России представляет собой глубочайшую и широкомасштабную инновацию. А инновации такого рода в жизни общества, по справедливому замечанию П.Г. (не путать с Г.П.) Щедровицкого (2002), отличаются от таковых в технике тем, что для их реализации нужны десятилетия. (Надеюсь, что далее читатель найдет достаточно аргументов в пользу этого тезиса.)

Требуется прояснения еще один важный вопрос: пока остается неизвестным, относят ли авторы программы идею формирования установок толерантности к властям предержащим и, прежде всего, к себе самим как держателям программы, либо власти (и держатели программы) считаются, т.е. считают себя, уже достаточно толерантными. А может быть, предполагается, что им толерантность вовсе не нужна? Вопрос не праздный, ибо, как заметил Майкл Уолцер (2000, с.14), «даже самые скупые формы проявления терпимости и даже самые шаткие установления, призванные ее обеспечить, являют собой огромное достижение, достаточно редкое в истории человечества...» Вопрос вместе с тем не простой. С одной стороны, толерантность властей может считаться едва ли не исходным пунктом демократии, а с другой, – если различать управление и власть, придется признать, что толерантность неотъемлема от идей демократического управления, но категорически противопоказана власти, трактуемой в этом случае как власть закона.

Подозреваю, что вопрос об отнесении идей толерантности к самим себе в сознании авторов программы не возникал, ибо вместе со сказанным постановка этого вопроса влечет за собой радикальное переосмысление всей организации работ по формированию и реализации программы. Никаких признаков такого переосмысления ни в тексте программы, ни в организации работы по ней не видно, что требует специального обсуждения означенной темы, к которому еще предстоит вернуться.

Так или иначе, я включаюсь в эту работу, что называется, «с открытыми глазами», не обольщаясь и вполне отдавая себе отчет в более чем сомнительных перспективах реализации замыслов, намеченных в программе и проекте. Стремясь в любой работе прежде всего к интеллектуальной честности и будучи человеком ответственным, я должен поэтому для начала пояснить, почему я все же не отказался от участия в проекте и выложить основания своего скепсиса.

Что касается перспектив, то моя позиция совпадает с позицией И.М.Дзялошинского: мы считаем, что как бы туманны ни были перспективы реальной «толерантизации»² СМИ и – с их помощью – российского общества, сама по себе проработка основных понятий, связанных с этими процессами, может быть шагом вперед. На мой взгляд, правда, она может стать таковым только при соблюдении двух тесно взаимосвязанных условий: если, во-первых, будет удерживаться ориентация на реализацию задуманных преобразований (т.е., на ту самую толерантизацию, которая не только отодвигается во времени, но путь и способ движения к которой, как я покажу, при этом сильно меняется) и, во-вторых, если эта проработка будет осуществляться не «вообще», а применительно к текущей социокультурной ситуации, «здесь и теперь».

Из следующего далее ситуационного анализа станут понятны и основания моего скептического отношения к намеченным пока планам толерантиза-

² Имея в виду множество уже вошедших в обиход «-аций» вроде автоматизации или приватизации, решаюсь на введение такого неологизма вместо громоздкого «формирования (в обществе или в СМИ, в сфере образования и т.д.) установок толерантности» и становления соответствующей культуры.

ции. Собственно, обсуждая возможности своего участия в данной работе, я уже приступил к прорисовке ситуации, которая задается для меня тремя контурами: внутренним, в пределах которого я могу что-то менять своими силами (как, скажем, условия своей работы); средним, на изменения в пределах которого нацелены силы моего сообщества (профессионального, партийно-политического, регионального либо иного), а в пределе – общества и государства в целом; внешним, – в границах которого за отсутствием субъекта действий вообще трудно представить себе какие-то целенаправленные преобразовательные усилия, но процессы в котором существенно влияют на происходящее во внутренних контурах. Важнее, впрочем, обратное: *то, что видно мне во внешних контурах, целиком зависит от происходящего со мной, от того, как я самоопределяюсь, что и как делаю или собираюсь делать «на расстоянии вытянутой руки»*³.

Такое представление ситуации наряду с неравноценностью контуров (внутренний контур оказывается определяющим) заставляет особо подчеркнуть, что анализ происходящего в каждом из внешних контуров, взятых в отдельности, превращается в академическое научное описание различных *обстоятельств* нашей жизни и деятельности. *Ситуация* не дана нам в натуре и не делится на части: она существует только в моей (или Вашей, читатель) рефлексии (причем у меня – одна, у Вас – другая) и только как целое, чем и определяются трудности ее прорисовки и анализа. В связи с этим, кстати, различают *ситуационный анализ*, нацеленный на прорисовку ситуации, и *анализ* (этой самой) *ситуации*, когда она уже эксплицирована.

Внутренний контур ситуации

Вернемся с учетом сказанного во внутренний контур нашей работы. Мой следующий тезис, формулируя который можно для начала сослаться на Ильфа и Петрова (а уж потом на М.М.Бахтина и Г.П.Щедровицкого), состоит в том, что одно дело говорить о чистоте, а совсем другое – подметать пол. Применительно к данному случаю, одно дело – говорить (в настоящей работе, в методиках, которые должны стать ее продуктами, в других, разрабатываемых согласно Программе документах, а затем в СМИ или школьных учебниках) *про* толерантность и/или диалог как особого рода объекты, а совсем другое – мыслить диалогически, осуществлять эту самую толерантность, руководствоваться ею в своем сознании и практической деятельности, в своих поступках как в рамках данной программы, так и в других жизненных ситуациях.

Апеллируя к известной работе Бахтина (1986), я сказал бы, что сами по себе разговоры *про* остаются при этом в пространстве теорий, из которого невозможно прорваться в мир человеческих поступков. Если же нас это не устраивает, то надо вспомнить еще Г.П.Щедровицкого (1995), учившего различать плоскость объектно ориентированных знаний, где фиксируется содержание разговоров *про*, и ортогональную ей организационно-деятельностную плос-

³ Если же я не самоопределяюсь и не планирую никаких действий, то и ситуации у меня никакой нет, есть те или иные «обстоятельства».

кость, где изображается то, что и как мы делаем. В частности, методику можно построить, перебрасывая опыт осуществляемой нами деятельности со второй плоскости на первую. Предусмотренную авторами Программы разработку «научно обоснованных и эффективных методик формирования в обществе установок толерантности через средства массовой информации» можно было бы интерпретировать именно в этом смысле, но ведь никакая практическая деятельность в рамках проекта не запланирована. Что же касается науки, на которую рассчитывают авторы Программы, то, как станет ясно из дальнейшего, необходимыми для этой цели научными знаниями мы не располагаем.

Я вернусь к этим вопросам далее, при анализе «второго контура», но пока, имея в виду проекцию происходящего там во внутренний контур ситуации, могу заметить следующее. Мои сомнения по части методик касаются как уровня нашего сегодняшнего понимания процессов и механизмов «социального конструирования реальности» (Бергер и Лукман, 1995) вообще и роли в этих процессах СМИ (Никитаев, 1998), в частности, так и готовности журналистов к использованию таких методик, если бы, паче чаяния, их удалось создать. Пока только самые продвинутые теоретики движутся в понимании и описании названных процессов и механизмов, а для подавляющего большинства журналистов по-прежнему «бытие определяет сознание», а СМИ «отражают» жизнь. В этих условиях следовало бы говорить не о создании методик, а об интенсификации исследований и разработок в сфере так называемых «гуманитарных технологий» (я бы сказал: техник) и о формировании современной системы повышения квалификации журналистов, в результате чего только и появилась бы реальная возможность постановки вопроса о методиках.

С учетом сказанного *успех нашего безнадежного дела, в конечном счете, определяется не соображениями про толерантность и диалог, а уровнем и качеством нашей собственной коммуникации и организации работы, тем, насколько и как мы сумеем реализовать на себе и в собственной работе проповедуемые ценности толерантности и диалога.* Существенное значение здесь приобретают расхождения в трактовке толерантности как центрального понятия нашей работы. Согласно господствующим представлениям, толерантность понимается как характеристика субъектов действия – отдельного человека, социальной группы, общественного института или общества в целом, – фиксирующая специфическую ориентацию на разрешение конфликтных ситуаций. Специфичность этой ориентации заключается в стремлении понять позицию другой стороны, объяснить ей свою позицию и в процессе диалога найти взаимоприемлемое *компромиссное* решение (Дзялошинский, 2002).

Взаимоприемлемое – да, но почему же обязательно компромиссное, т.е. достигаемое на основе взаимных уступок? – спрашиваю я. Хорошо, если речь идет о яблоке, которое голодные могут поделить пополам вместо того, чтобы за него драться, а если о ребенке, на которого претендуют две матери, как в известной притче про царя Соломона? Судебные решения по гражданским делам отнюдь не всегда компромиссны (отдать ребенка одной из претенденток на место матери, тем самым лишив материнства вторую – далеко не компромисс), но их либо принимают как неизбежную данность и выполняют, либо нанимают

киллеров. В связи с этим я думаю, что проповедовать толерантность вне рамок и контекста права вряд ли уместно. Толерантность тогда рискует стать безграничной и оставить нас безоружными перед лицом экстремизма и фанатизма. Из приведенного примера также напрямую следует, что ориентация на компромисс в данном контексте оказывается в лучшем случае частной и частичной: взаимоприемлемое (например, правовое) разрешение конфликта может быть связано не с *компромиссами*, а с постановкой и *решением проблем*, которые могут быть выявлены за конфликтом.

Сказанное предполагает различие *задачной* и *проблемной* организации мышления для начала, как минимум, внутри коллектива разработчиков. В основе задачной организации лежит представление, что поставленные цели могут быть достигнуты с помощью уже известных и имеющихся в нашем распоряжении средств. Проблемная организация, напротив, исходит из презумпции, что наличные средства не могут обеспечить достижения поставленных целей, а потому наша работа должна быть переориентирована с непосредственного движения к цели на предварительную разработку необходимых средств. Выбор той или иной из этих двух ориентаций будет определяться ценностями, идеологией и философией каждого из разработчиков (Щедровицкий, 1995, с. 549).

Теперь я могу более четко сформулировать, в чем видятся мне различия между позицией авторов ФЦП и моей – как одного из участников работы по этой программе. Хотя авторы и не пользуются этими различиями, из текста программы следует, что они ориентируются на задачную организацию дальнейшей работы. При этом не только известно и расписано по пунктам, что конкретно следует делать – разрабатывать научно обоснованные методики, строить систему экспертизы и т.п., – но определены даже сроки всех этих разработок и необходимые объемы финансирования. С полной очевидностью здесь проявляются две упомянутые «ориентации в организации и проведении конкретных научных исследований: одна, направленная на получение знания об объекте при фиксированных средствах и другая – направленная на критику и изменение самих средств» (Щедровицкий, там же).

Я не задаюсь вопросом о том, какова будет развертываемая работа «на самом деле» – она будет такой, какой мы ее сделаем. Но утверждаю, что «формирование в обществе установок толерантности» даже из чисто прагматических соображений *следует мыслить* как проблему, пути и способы решения которой наперед неизвестны. Тем более неизвестно, что и как придется делать для достижения этой цели, сколько на это может потребоваться времени и денег. Собственно, именно такая установка приводит к необходимости *программной организации работы*, как подобная организация понимается в методологии (Наумов, 1992; Щедровицкий, 1999). А понимается она прежде всего так, что *программа* обеспечивает движение – в частности, и к предзаданной цели (хотя вообще-то цели меняются в ходе движения) – по неизведанному *пути*, в то время как *план* регламентирует движение по известной *дороге*. Но дело в том, что у нас по сию пору господствуют представления о программах не как о *форме организации*, а как об особых организационно-исполнительских доку-

ментах, мало чем отличающихся от плановых. Мне не раз приходилось писать об этом (Рац, 1994, 1995), и теперь я подчеркнул бы только два момента.

Во-первых, последствия принятия той или иной из охарактеризованных стратегий совершенно не симметричны. Если, приняв установку на проблемную организацию, мы убедимся по ходу работы, что поставленные цели без ущерба для сути дела могут быть достигнуты с помощью наличных средств, так и слава богу: в конечном счете мы добьемся нужных результатов быстрее и дешевле, чем предполагалось. Но если, наоборот, мы решим, что располагаем всеми необходимыми средствами для достижения поставленных целей, а по ходу дела выяснится, что это не так, и наличные средства нерелевантны нашим целям, – тогда мы окажемся у разбитого корыта. Деньги истрачены, время потеряно, а работу надо начинать сначала. Причем это еще полбеды. Подлинная беда приходит тогда, когда (а это бывает сплошь и рядом) мы *делаем вид* (неважно, перед начальством, перед самими собой или перед теми же СМИ), что все идет по плану: работа благополучно движется, а получаемые результаты ровно те, на которые все и рассчитывали. Получаемые таким образом результаты и продукты работы еще в советские времена получили наименование «фиктивно-демонстративных». Они пригодны только «для галочки», для отчета, и я не буду пересказывать всех связанных с этим анекдотов.

Во-вторых, я вижу глубокую связь между упоминавшейся диалогичной и проблемной формами организации мышления. В сущности, диалог представителей разных позиций трудно мыслить как организованный задачно. Ведь это означало бы, что собеседники говорят банальности и пользуются исключительно банальными аргументами, осмысление, принятие или опровержение которых в рамках и средствами наличных представлений не составляет труда. Такой «диалог» вообще не предполагает рефлексии и мышления, т.е. это и не диалог вовсе, а некая фикция. Подозреваю, что и «беспроблемная толерантность» ушла недалеко от этого: в таком случае я говорил бы, скорее, не о толерантности, а о вежливости и воспитанности. В условиях, когда точка зрения оппонента легко совмещается с моей, толерантность недорого стоит. И наоборот: когда наши взгляды и интересы расходятся, когда дело идет к конфронтации, – тогда возникает нужда в толерантности. Толерантность открывает ворота диалогу там, где раньше не видно было мирного выхода из конфликта. Диалог же выступает как форма *проблематизации и решения проблем*, тогда как конфликты неизбывны. Они затухают в одном месте, чтобы разгореться в другом, либо не затухают вовсе. Ведь решение одной проблемы может породить целый веер новых, и это нормально.

Теперь можно уточнить мое отношение к компромиссам. Они играют важную роль в зависимости от характера ситуации. Одно дело – проблемные ситуации, выражающиеся обычно в форме неразрешимых конфликтов, выход из которых требует разработки специальных средств⁴. Совсем другое – конфликтные ситуации, за которыми проблемы не просматриваются. Такие конфликты я квалифицировал бы, по большому счету, как конфликты-недоразумения, хотя «в жизни» они могут доставлять массу неприятностей участникам. В после-

⁴ Таковы, например, ситуации в Чечне и в Палестине.

днем случае компромиссы мыслятся традиционным образом – в качестве важнейшего средства ликвидации конфликтов (при отсутствии проблем). В первом же случае они выступают как техническое средство, дающее время на проблематизацию и решение проблем. Ибо *компромисс в проблемной ситуации не разрешает конфликта, а всего лишь замазывает его, закладывая тем самым мину на будущее*⁵. В этом смысле проблематизация и решение проблем сродни работе сапера, прокладывающего дорогу среди минных полей.

Подведем итог сказанному касательно внутреннего контура ситуации, связанной с работой по проекту. С моей точки зрения, в работе по толерантации (неважно касается ли она СМИ, образования, каких-то других сфер деятельности или проблемы в целом) принципиально важно участие сторонников разных позиций. Это будет требовать толерантности от нас «здесь и теперь»: работа либо развалится, либо мы вступим в подлинный диалог друг с другом, и она организуется проблемно и программно. Боюсь, что единственной альтернативой такого поворота темы может стать изготвление – в коллективе «единомышленников», где для мысли просто нет места, – очередного фиктивно-демонстративного продукта.

Средний контур

Анализ второго контура ситуации стоит, пожалуй, разделить на две части: первая касается СМИ и сообщества журналистов, вторая – российского общества и государства⁶. В разговорах о СМИ часто смешивают разные образования, и поэтому необходимо прежде всего различать:

- Сами СМИ, т.е. газеты, журналы, теле и радиокomпании, а теперь еще и ресурсы интернета;
- Особое пространство, создаваемое СМИ и наполняемое публикуемыми в них материалами. Это пространство, которое может мыслиться как пространство новостей (хотя оно содержит не только новости) или пространство публичного (в отличие от приватного);
- Множество журналистов, т.е. специалистов, занятых наполнением указанного пространства и работающих в различных СМИ;
- Сферу СМИ, объединяющую как газеты, журналы и т.д., так журналистов и включающую сверх того организации и людей, профессионально занятых обеспечением воспроизводства и развития этой сферы в целом (т.е., занятых работой в информационных агентствах и службах, профессиональным образованием, работой клубов, информационным бизнесом, техническим обеспечением и т.д.).

⁵ Таковы были Хасавюртовские соглашения по Чечне и соглашения Осло по Ближнему Востоку. «Антипрограммная» организация переговоров во втором случае прямо фиксируется аналитиками. Например, А.Эпштейн пишет: «Существенный изъян соглашений в Осло... состоял в том, что в них были заложены обязывающие сроки достижения «окончательного» урегулирования. Переговоры о постоянном урегулировании... должны были закончиться к 4 мая 1999 г. При этом не было выработано никаких рекомендаций и соглашений по поводу форм сосуществования двух народов после этой даты» («Вести», Тель-Авив, 26.12.02).

⁶ Ничто, разумеется, не мешает говорить о четырех, пяти и т.д. «контурах».

Возможные способы представления, место и функции каждого из этих образований в обществе и государстве (так же, как внутренняя структура и процессы, протекающие в каждом из них), требуют, разумеется, специального анализа. Так, если говорить о СМИ, то опираясь на статью П.Шампаня (1996), можно выделить разные способы их представления и употребления: СМИ как *средства* воздействия на общественное мнение в руках тех или иных политических сил; как *объекты* рыночных отношений; как *организационные формы* коллективной работы журналистов-профессионалов.

Для сферы СМИ конституирующим является, прежде всего, самоопределение профессионального сообщества журналистов, само существование которого – не как «множества», а именно как «свободной корпорации», сообщества, *коллективного субъекта* – в нашем случае проблематично (Становление духа... 1995; Рац, 1998). В таких условиях сам разговор о *сфере* СМИ становится условным: вернее было бы говорить не о сфере, а о соответствующей *отрасли производства* (новостей), и данное обстоятельство оказывается определяющим для нашего проекта и объемлющей ситуации в целом. В частности, СМИ вместе с работающими в них журналистами могут использоваться достаточно мощным субъектом действия (прежде всего государством) для достижения своих целей, внешних по отношению к СМИ и журналистам. Если что и мешает такому их употреблению, т.е. употреблению как средств и объектов манипулирования, то это господствующая разрозненность и вместе с тем самоопределенность и вытекающая из этого субъектность некоторых журналистов и их коллективов. В целом же сказанное вполне корреспондирует с установкой авторов ФЦП на использование СМИ в качестве средства толерантизации общества⁷.

Что касается самих журналистов и их коллективов, то большинство и тех, и других не против идей толерантности, но, надо полагать, мало кто склонен заниматься этим всерьез. Думаю, что найдется немного охотников проработывать «научно обоснованные методики», если такие и будут написаны. Поэтому мне представляется более перспективным другой подход, при котором ставка делается не на использование СМИ как *средства*, инструмента в руках государства, а на задействование журналистского сообщества как *субъекта* толерантизации. *Успех дела представляется возможным при условии, что его (дело) удастся представить – и, главное, что оно будет принято, – как насущное собственное дело журналистским сообществом, если* (вспоминая сказанное выше) *идея толерантизации окажется организующей профессиональной иде-*

⁷ Здесь полезно вспомнить о различении газетчика и журналиста, введенном В.В.Никитаевым (1998). Я понимаю его так, что по аналогии с парами *бизнесмен–предприниматель* и *торговец–негоциант* Ф.Броделя он предложил различать *газетчика* (может быть, точнее: борзописца? – М.Р.), носителя специальных навыков, обеспечивающего согласно должностной инструкции функционирование сложившегося издания, заполняющего пространство новостей и вполне удовлетворенного этим положением, и *журналиста*, занимающего собственную позицию, выступающего не только в качестве пишущего, но в качестве рефлектирующего, мыслящего и действующего (совершающего поступки в смысле М.Бахтина), по идее, несущего на себе нормы профессиональной культуры. Добавлю, что множество газетчиков работает в отрасли СМИ, журналисты же могут существовать как массовая профессия только в сообществе, конституирующем сферу СМИ.

ей потенциального сообщества, так сказать, функциональным аналогом «национальной идеи». (Я не обсуждаю второго возможного поворота темы, когда вся эта кампания будет предложена журналистам как заказная, особо оплачиваемая работа, хотя применительно к отдельным СМИ не исключал бы такой возможности).

Первый поворот темы (в отличие от второго) никак не вписывается в ФЦП – хотя бы по возможным срокам реализации, я уж не говорю об организационных формах и намеченном составе работ, – но за отсутствием реалистичных альтернатив его все же имело бы смысл коротко рассмотреть. На мой взгляд, идея толерантности вполне могла бы стать объединяющей для журналистов именно в силу определяющих особенностей этой профессии и сферы СМИ. Особенности эти я усматриваю в том, что *СМИ в современном обществе являются собой плацдарм публичной коммуникации*, создают упоминавшееся уже пространство, по замечанию В.Никитаева (1998), играющее для нас роль агоры античного города-государства. С этой точки зрения важнейшей функцией журналистов оказывается *организация* на этом плацдарме коммуникации, *диалога* между различными – политическими, профессиональными, региональными и т.д. – позициями в обществе. Но это не единственная их функция, а потому основным остается уже поставленный выше вопрос профессионального самоопределения журналистов. Они-то как видят свое место и свою миссию в обществе?

Мне кажется, что с тех пор, когда этот вопрос обсуждался достаточно широко и серьезно (Становление духа... – далее СД, 1995), такого самоопределения по сей пору не произошло (если оно вообще может завершиться). Поэтому сохраняют актуальность некоторые соображения, высказанные по этому поводу ранее. В частности, я бы настаивал на своей интерпретации (Рац, 1998) высказанных по этому поводу идей И.М.Дзялошинского (СД, с. 248). А именно, я считаю, что он строит *пространство профессионального самоопределения журналиста как задаваемое тремя ортогональными векторами: авторитарным* (пример – взгляды Ленина на роль СМИ), *информационно-познавательным* (господствующим на Западе) и *коммуникативным, или гуманитарным* (идея диалога, соучастия журналиста и реципиента в постановке и решении общественно значимых проблем).

Заданное подобным образом пространство вроде бы и оказывается пространством *профессионального* самоопределения журналиста, редакции, журналистского сообщества (корпорации). Очень важно, что оно отделено от пространства *политического* самоопределения. Здесь сторонники самых разных политических взглядов могут самоопределяться сходным образом (и наоборот). В этом я вижу путь к формированию профессионального сообщества, объединяющего сторонников разных политических позиций. Такой поворот дела, однако, возможен при соблюдении двух взаимосвязанных условий: во-первых, основные действующие лица обязаны удерживать *рамку права* и, во-вторых, они должны быть настроены достаточно толерантно. Неважно, является ли именно такая картина исчерпывающей, важна мысль, и я ограничился бы краткими комментариями по этому поводу.

1. Что касается трех упомянутых векторов, то авторитарную («законодательную» в отличие от интерпретирующей по З.Бауману (1993)), монологичную установку я не оценивал бы совсем уж негативно. Проповедь хоть и уступает место исповеди, но, думаю, сохранит свое место в культуре, иерархическое устройство которой есть ее конституирующая особенность, не зависящая от общественного устройства. (Подробнее мы рассмотрим этот вопрос во второй части статьи.) Поэтому я бы связывал авторитарную установку не только и, возможно, не столько с партийной ангажированностью, сколько с ролью интеллектуальной и культурной элиты, напоминая, что это всего лишь одно из измерений нашего пространства, кстати, тесно связанное с другим – информационно-познавательным.

2. Важнейшая функция информационно-познавательной (по преимуществу) установки – открытие, «опрозрачивание», визуализация (применительно к ТВ впрямую) происходящего. Здесь я напомнил бы о вкладе СМИ в формирование открытого общества. Но в связи с этим еще надо специально разбираться с объективистскими мифами, господствующими среди наших демократически ориентированных журналистов («после марксизма-ленинизма, но до К.Мангейма» – так характеризует это состояние сознания Л.Поляков (СД, с. 303), а на связанные с ними опасности указывает С.Муратов (там же, с. 257). В действительности, мы не можем смотреть на мир с позиции Всевышнего и все, что в состоянии увидеть, видим со своей, субъективной точки зрения. Отсюда и отмеченная выше тесная связь первых двух установок. Как писал когда-то П.Валери, «... отбор, классификация, выражение фактов, дошедших до нас, не продиктованы нам природой вещей; они должны представлять собой итоги анализа и отчетливых решений; на практике же они всегда отданы во власть навыков и традиционных способов мышления, которых случайности или произвольности мы не подозреваем». Более того, «навыки, влечения, привязанности, приобретенные в течение предшествующей истории, не перестают существовать, но незаметно перенесенные в среду, отличающуюся весьма иной структурой, они теряют в ней свой смысл и становятся причиной бесплодных усилий и ошибок» (Валери, 1936).

3. Думается, что коммуникативно-гуманитарная (диалогичная, интерпретирующая) установка пока еще формируется, но именно с этим процессом я связываю свои надежды на будущее, касающиеся не только журналистики и не только России (хотя ее, конечно, в первую очередь). Как пишет Л.Поляков, «... лучше поздно, чем никогда, признать, что в межгрупповом человеческом общении «правдой» может быть только газета, а в реальности есть лишь многоликость лжи («субъективности», выражаясь академически) – множество идеологий и утопий, от имени которых и вещает в пространство социума любой конкретный индивид вообще, а журналист – по долгу службы» (СД, с. 304). Более «академично» об этом пишет теоретик менеджмента П.Вейлл (1993, с. 115): «В практическом плане мы имеем всего лишь взаимные перспективы, и у нас нет внешнего стандарта истины, лишь множественность мнений, из которых мы можем выбирать».

Я обсуждал бы в связи с этим далее: различие СМИ, которые у нас художественно есть, и СМК (средств массовой коммуникации), которых пока что нет, и еще вопрос, возможна ли массовая *коммуникация* в принципе; различие монологичной и диалогичной организации мышления и интеллектуальной деятельности; коммуникацию как средство развития и *рамку права* как предельную рамку коммуникации в конфликтных ситуациях и как основополагающую ценность сообщества журналистов. Но необъятного объять нельзя. Последней из названных тем в значительной мере посвящена специальная книга (Судебная реформа, 1996), и поэтому далее я ограничусь замечаниями о «коммуникативной журналистике». Пока же, переходя к следующей теме, хотел бы заметить, что авторы ФЦП очевидным образом связывают использование СМИ с информационным и законодательным векторами их воздействия на общественное сознание. Специальная заостряя тезис, я скажу, что таким образом, даже пропагандируя – или уж, скажем прямо, насаждая – толерантность, можно поспособствовать только воспитанию нетерпимости. Подробнее об этом – во второй части статьи. Сейчас же – несколько слов о ситуации в России и в мире.

Достаточно очевидно, что обсуждение перспектив искусственной смены (или хотя бы сдвига) ценностных ориентаций общества в масштабах России требует, прежде всего, тщательного анализа состояния не только *средств* (в данном случае – СМИ), но так же *объекта* – российского общества – и *субъекта* (предстоящей преобразовательной деятельности) – государства. При этом даже самый схематичный анализ такого рода не может состояться без учета мировой составляющей, тем паче, что борьба с экстремизмом и идеи толерантности находятся сейчас едва ли не в центре внимания мирового сообщества. Но намеченная при анализе внутреннего контура ситуации позиция не позволяет просто воспользоваться готовыми (выполненными в совсем других контекстах) разработками по означенному бесконечному кругу вопросов. Поэтому я вынужден ограничиться здесь, скорее всего, несколькими штрихами, призванными подчеркнуть и выделить те или иные особенности происходящего в России и в мире, которые кажутся мне особенно важными в рамках обсуждаемой темы здесь и теперь, при взгляде из обозначенного выше внутреннего контура ситуации.

Основным для понимания происходящего в России, но пока не имеющим, на мой взгляд, однозначного ответа, вопросом является вопрос о квалификации метаморфозы государственной власти (становления пресловутой «властной вертикали»). Видим ли мы долгожданную субъективацию государства, обретение им собственного лица и собственной стратегии, либо идет становление авторитаризма, лицо которого банально, а наличие собственной стратегии вовсе не обязательно (ему достаточно тактики). Сама постановка вопроса о толерантизации может считаться доводом в пользу первого предположения, и я считал бы этот довод решающим, если бы идея толерантизации распространялась на государственные структуры. Но явных свидетельств такого распространения не видно, да и свойственный ФЦП привкус фиктивно-демонстративной деятельности, проще говоря, шапкозакидательства, склоняет ко второму решению. Все это к тому же неоднозначно: если сами такого рода начинания

вряд ли могут появляться вне заданного сверху общего направления политики, то отмеченный дух шапкозакидательства вполне может быть порождением чиновников даже не самого верхнего звена⁸.

Принципиально важно здесь различать два типа позиций: зрительскую, пассивную позицию интерпретации происходящего как данного нам и от нас не зависящего и – в противоположность этому – позицию участия, в рамках которой происходящее зависит от нас и может приобрести ту или иную направленность в зависимости от нашей позиции и наших действий (или бездействия). Я выбираю вторую позицию. При этом сказанное представляется мне важным не только идеологически, но и вполне прагматически, а в свете текущего обсуждения законодательства о СМИ еще и жгуче актуальным. Либо Заказчик всерьез задумается обо всем этом, либо, как и прошлый раз, эти соображения будут тихо сданы в архив⁹, а работа продолжится в привычной манере и в рамках утвержденной ФЦП. (Это, кстати, прекрасный тест на предмет выяснения толерантности авторов Программы.)

Говоря о привычной манере, я имею в виду советскую привычку к словесным конструкциям, не имеющим деятельностного содержания. Ведь, когда говорили о программе КПСС или о жилищной (продовольственной и т.д.) программах, никто всерьез не думал об условиях, путях, средствах и механизмах их реализации. Всё это, как и нынешняя наша ФЦП, были, конечно, «идеологические программы», или псевдопрограммы. (Отсюда, кстати, происходят и ставшие анекдотическими императивы: ускорить, повысить, поднять, расширить и т.п. Боюсь, что планируемые ныне «акции и кампании по пропаганде толерантного поведения» из той же оперы.)

Сказанное органически сочетается с другим симптоматичным фактом: за вычетом военно-промышленного комплекса, который требует специального обсуждения, реализовывались так или иначе, как правило, не программы, а конкретные проекты, причем преимущественно проекты производственно-строительного толка (Днепрогэс, Магнитка). Но даже они, не говоря уже о грандиозных «свершениях» в социально-гуманитарной области, в конечном счете обернулись стратегическими провалами «реального социализма». Причем это обстоятельство проявлялось задолго до окончательного развала системы в целом.

Вообще, странное превращение самых хороших идей в свою противоположность (которое В.С.Черномырдин увековечил позднее в знаменитом афо-

⁸ Столь же амбивалентной выглядит после эпопеи с «Норд-Остом» ситуация в отношениях власти со СМИ. С одной стороны, президент отклонил поправки к закону о СМИ, но вместе с тем, как отмечает О.Панфилов (2002), «Норд-Ост» стал удачным поводом для того, чтобы окончательно поставить прессу перед выбором: или она становится государственным рупором, или у нее будут проблемы». В связи с приближающимися выборами эта тема имеет дальнейшее развитие.

⁹ Я имею в виду историю нашей с коллегами работы над российской национальной программой «Культуры мира», близкородственной нынешней целевой программе, проводившейся по заказу Бюро ЮНЕСКО в Москве года четыре назад (Рац, 1999). Мы разработали тогда эскиз программы, ориентируясь именно на перспективы ее реализации, она была опубликована (правда, уже по моей частной инициативе – см. Рац, Кравченко, Рокитянский, Щедровицкий, 2000), но принят был совсем другой проект, содержащий привычные чиновникам словесные конструкции в отличие от наших «непонятных» схем.

ризме «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда») было характернейшей чертой советской системы. Эта «антимидасовская» способность (М.Т.Ойзерман) порождалась особой техникой насильственного «внедрения» новшеств в более или менее мирно функционировавшие социально-производственные системы. В результате ритм функционирования системы нарушался, а новшество деформировалось часто до неузнаваемости (подробнее об этом см. Рац, Ойзерман, 1991). Боюсь, что нечто в этом роде может приключиться и с нашей работой, которую я трактовал бы теперь – после всего сказанного – как решение проблемы задействия СМИ в культивировании (ибо «внедрение» их в массовое сознание невозможно и вредно) идей толерантности.

К сожалению, опыт «строительства» (а строительно-производственная терминология эпохи отнюдь не случайна) социализма плохо утрефлексирован, не объективирован и не изучен¹⁰. Естественным образом унаследовав многие методы и средства этого «строительства», мы обречены поэтому и на повторение его ошибок. И это, к сожалению, типовая для постсоветской России ситуация. Боюсь, что нам трудно назвать хотя бы одну успешно реализованную программу. Бесславный конец – судьба всех наших «программ», начиная с приснопамятных «500 дней». (Этой программе еще повезло, что никто не стал ее реализовывать.) Поэтому я и говорю о программной организации нашей собственной работы, каковая только и может обеспечить реализацию замыслов – а не очередное фиктивно-демонстративное словесное кружево – на выходе. Адресу заинтересованного читателя к упомянутым пособиям по программированию (прежде всего, к книге Г.П. Щедровицкого), остановлюсь коротко на других важных факторах нашей ситуации.

Пока мне видятся еще два таких фактора. Во-первых, это тяжелая (и не только советская) наследственность: плюрализм у нас всегда был экзотикой, а политический терроризм – рафинированная форма экстремизма и фанатизма – едва ли не родился в России. Здесь сыграли свою роль и затянувшееся господство крепостного права («Барин приедет, барин нас рассудит»), и само по себе самодержавное устройство (всегда была «последняя инстанция» по части того, кто прав, кто виноват), и неразделенность церкви и государства (а церковь плюрализма не допускает даже теоретически: там все стоит на «догмате веры»). Все это важно и само по себе, но сверх того мешало укоренению в России идей права, вне рамок которого толерантность становится бессмысленной. В этом отношении «единственно правильное учение», «всесильное, потому что верное» попало на благодатную почву и только усугубило и без того тяжелую ситуацию, которая только-только начала меняться в пореформенной России¹¹.

Во-вторых, нынешние условия жизни подавляющего большинства граждан России, которые слишком хорошо известны, ориентируют, скорее, на нетерпимость, ксенофобию и экстремизм. Чудовищная обстановка в местах ли-

¹⁰ Речь идет именно о *строительстве* социализма и коммунизма (начинавшемся, как известно, с «материально-технической базы»), а не о феномене тоталитаризма. Второму посвящено множество серьезных работ.

¹¹ Не случайно в нашей культуре нет понятия, выражаемого английским словом selfrighteous, для которого М.Эпштейн предлагает неологизм «своеправие» (Дар слова. Вып. 1).

шения свободы и в армии при ставшей уже едва ли не постоянно действующим фактором «нелегальной» войне (десять лет в Афганистане и почти без перерыва – Чечня). Я не буду распространяться на эту тему. Замечу только, что начавшаяся еще в советские годы самоорганизация и социальная локализация¹² монолога и экстремизма правого толка приобретает очень опасные формы. В последние годы к ним добавились аналогичные явления и на левом фланге. Слава богу, что не одно бытие определяет сознание: в этом случае мы сейчас уже не вели бы разговоры о толерантности.

Внешний контур

К сказанному надо добавить очень непростую мировую ситуацию, которая естественным образом взаимодействует с внутрисоветской и непривычно сильно (после советской автаркии) на нее влияет. Я имею в виду становление и оформление двух новых «лагерей» (взамен капиталистического и социалистического): лагерей, если воспользоваться знаменитой формулой К.Поппера, «открытого общества и его врагов». Но *граница между этими лагерями проходит не столько между Западом и Востоком* (или хантингтоновскими цивилизациями, которым предостой схватка не на жизнь, а на смерть), *сколько внутри каждого из нас, разделяя две ориентации нашего сознания – на толерантность и на нетерпимость – и две соответствующие полярные формы организации нашего мышления – диалогическую и монологическую.*

Сами понятия «экстремизм», «толерантность», «диалог» являются продуктами европейской культуры. Что находится на местах соответствующих понятий (если они существуют) в других культурах и «в головах» экстремистов можно только догадываться. Имея в виду стремительное распространение терроризма, не следовало бы исключать, например, что «экстремизм» может пониматься как верность долгу и героизм, «толерантность» как проявление слабости и трусости, а диалог – считаться разновидностью торговли. Поэтому все наши разговоры на эту тему остаются не более, чем нашими – разговорами для внутреннего (в лучшем случае, в рамках европейской культуры) употребления.

Однако, как свидетельствует общественно-историческая практика, дело обстоит даже хуже. Экстремизм и фанатизм не только существует внутри народов-носителей европейской культуры, но и время от времени бурно расцветает среди них. Вести же душевспасительные разговоры о толерантности и т.п. с коммунистами, фашистами, исламистами или экстремистами любого иного толка заведомо бесполезно: они спасают свои души, убивая «неверных», которых сторонники толерантности назвали бы инакомыслящими. На месте «неверных» могут оказаться и оказываются в зависимости от ситуации представители той или иной конфессии (верующие, атеисты), этноса или политических взглядов. Как заметил В.В.Путин, все мы теперь в опасности.

Таким образом, вырисовывается довольно мрачная картина. При всех разговорах об общечеловеческих ценностях, единстве цивилизации, глобализации

¹² Социальной локализацией я называю «стягивание» и концентрацию в некоторых местах до того рассеянных в обществе явлений или симптомов.

и т.п. и даже при том, что некоторые из этих разговоров не лишены смысла, одновременно сосуществуют культуры (или, если угодно, ментальности) двух типов: толерантные и нетолерантные. Они не имеют жесткой национальной или конфессиональной привязки, а географическая их привязка тоже достаточно растяжима и изменчива. В настоящее время первые тяготеют к Западу, вторые – к Востоку, но носителей и того, и другого типов культуры можно найти в любой стране и в любом (достаточно большом) городе. В странах, где носители каждого из названных типов культуры контролируют ситуацию, формируется и поддерживается соответствующая организация жизни: демократическая, открытая в странах европейской культуры, либо недемократическая (органическое и закрытое общества по типологии Дж.Сороса (1991), см. также – Рац, 1995, с. 59) – в странах бывшего «третьего мира» и некоторых бывших «странах социализма».

Пока существовал СССР, биполярная система позволяла поддерживать некоторое относительное равновесие. С распадом этой системы старое равновесие нарушилось, новое же еще не установилось. Западный мир экономически и политически обособился от остального (*Иноземцев и Кузнецова*, 2001). Похоже, что бывший «третий мир», еще недавно разделенный на свои сферы влияния первыми двумя, в культурно-политическом отношении тоже перестраивается и субъективируется. При этом страны социализма (из распавшегося «второго мира») восстанавливают свою традиционную культурную самоидентификацию и отходят либо к первому (Россия и страны восточной Европы), либо к новому, «третьему» (Куба, Северная Корея) мирам¹³. Началось обострение отношений между двумя новыми мирами, принявшее неведомые ранее формы международного терроризма и борьбы с ним. При этом «борьба миров», образованных культурами разного типа, происходит на фоне продолжающейся глобализации и повсеместного распространения европейской материальной цивилизации с использованием достижений последней.

Это очень важный момент. *В основе глобализации*, как она понимается здесь, *лежит* отмеченное еще Полем Валери (1936) *возникновение, развитие и закрепление более или менее тесных взаимосвязей между самыми разными общественно важными процессами и явлениями, локализованными в разных точках Земли.* Если позволительно воспользоваться физической терминологией, ситуация *близкодействия* в результате глобализации сменилась господством *дальнодействия*. Вроде бы локальные процессы и явления теперь часто практически мгновенно превращаются в глобальные. Понятно, что это стало возможным в результате бурного развития техники, прежде всего появления современных средств транспорта и связи, современной системы СМИ: авиации, телеграфа и телефона, радио, телевидения, интернета. Но верно и обратное: именно глобализация обеспечивает возможность проявления в качестве мировых других процессов, прежде всего формирования и становления на базе достижений европейской духовной культуры единой материально-вещественной цивилизации.

¹³ Пока не ясен вектор движения Китая, который в перспективе может оказаться решающим.

Если не различать глобализационных и цивилизационных процессов (а их пока различать не принято), то глобализация в таком расширенном понимании должна обсуждаться в паре с регионализацией, или пространственным обособлением и разграничением (Рац, 2001). Последняя тенденция связана с особенностями проявления мировых (и не только мировых) процессов в разных местах, вообще с возрастанием роли местной культурной специфики, местных ценностей и интересов, порождающих, в частности, такие явления как политическая субъективация, культурная автономизация, а в пределе и суверенизация.

Мозаичность намеченной картины не должна, однако, мешать нашим планам. Их следует только с этой картиной увязать, для чего вернуться, прежде всего, к моменту пространственного обособления и локализации двух культур (наряду с фактом их мирного сосуществования в сознании каждого из нас). История подкашивает примеры достаточно яркой и притом совершенно различной их локализации и взаимной конфигурации возникающих при этом миров: от классического противостояния Афин и Спарты до противоборства Запада с фашистской Германией и СССР. (Объединение союзников в борьбе с державами оси по большому счету было делом тактики, а не стратегии, что и стало очевидным сразу по окончании Второй мировой и с началом холодной войны¹⁴.) Важно зафиксировать в связи с этим следующее.

«Естественное», монологично организованное мышление имеет тенденцию к воспроизводству и экспансии. Если формирующееся в результате общество (или сообщество – типа тоталитарной секты), где доминирует монологичная культура, устраивает его членов, то приходится мириться с его существованием, однако лишь до тех пор, пока оно не становится опасным. Угрожающим симптомом являются нарушения рамок диалога и права как внутри (со)общества, так и в отношениях с инакомыслящими соседями. На мой взгляд, уже имеющегося исторического опыта достаточно, чтобы в таких случаях принимать превентивные меры. (Ситуация с Ираком в 1991 и в 2002 г.г. – особенно в сравнении с ситуацией мюнхенского сговора 1938 г. – может служить хорошим примером.) При этом важно не опоздать.

Сказанное имеет прямое отношение к нашей теме, как минимум, по двум линиям. Во-первых, сама работа, направленная на распространение и укоренение идей толерантности в нашем обществе имеет особый смысл именно как превентивная мера, призванная предотвратить экспансию монологахизма: это связано как с упоминавшейся выше «дурной наследственностью», так и с катализаторами ее проявления – прежде всего, Чеченской войной. Во-вторых, для России по тем же причинам и в силу уже активно идущей социальной локализации монологахизма и экстремизма особое значение имеет вопрос о правовых границах толерантности. Эта тема требует специального обсуждения, и пока я только заметил бы, что безграничная толерантность, порождающая пресловутую политкорректность, оказывается в итоге питательной средой именно для монологахизма и экстремизма.

¹⁴ Мы приходим, таким образом, правда, несколько непривычным путем к упоминавшейся уже концепции открытого общества и его врагов К.Поппера.

Краткое резюме

Я затрудняюсь коротко резюмировать все сказанное. Оно сказано и без того телеграфным стилем. Если все же предпринять такую попытку, то можно было бы редуцировать сказанное к двум абстрактным, но именно в силу этого практически очень важным вопросам. Первый – это старый марксистский вопрос (удостоенный у нас почетного звания «основного вопроса философии») о первичности материи или сознания, который в современном мире приобретает совершенно иное звучание. Дело, как выясняется, не в *первичности*, а в *структуре* взаимоотношений идеального и материального, искусственного и естественного. (Структура эта представляется такой, что в естественном полагании первичным оказывается материальное, в искусственном – идеальное¹⁵. В первом случае перед нами разворачивается величественная и столь же привычная картина эволюции материального мира. Во втором – мы оказываемся в мире мышления и деятельности в их историческом разворачивании (Шедровицкий, 1995)). В социологии этот вопрос стал вопросом о «социальном конструировании реальности» (Бергер и Лукман, 1995). Второй вопрос продолжает первый, но задается из другой позиции и звучит так: могут ли быть успешными (и, если да, то, как этого добиться) крупномасштабные общественно значимые искусственные преобразования в социуме? Или мы навеки обречены делать, как лучше, а получать, как всегда? Отвечать приходится осторожно (на современном этапе этот вопрос начал интенсивно обсуждаться совсем недавно (Попов, 2001; Этюды...2002): похоже, что могут, но требуют совершенно особой организации работы. В первом приближении в качестве таковой и используется программная организация.

II. Возможное содержание концепции

Итак, в России государству проще всего, конечно, использовать СМИ как инструмент в достижении своих собственных целей, но несравненно эффективнее было бы добиться принятия этих целей как своих собственных журналистами. При этом *государству – вопреки сложившейся практике – следовало бы делать упор не на работе со СМИ как средством достижения своих целей, а на сотрудничестве с сообществом журналистов как с субъектом, имеющим среди прочего собственные цели, как с партнером*. Журналисты будут незаменимы в деле профилактики экстремизма, распространения и культивирования идей толерантности, если примут эти идеи в качестве руководящих для себя и своих СМИ и станут руководствоваться этими идеями в своей профессиональной практике.

Выше уже говорилось, что принятие этих идей журналистами (за вычетом, разумеется, идейных противников и борзописцев-«газетчиков») кажется

¹⁵ Сказанное не слишком понятно, но развернутое изложение этой темы заняло бы слишком много места. С ключевым сюжетом об «искусственном» и «естественном» (которые используются здесь не как онтологические, а как логические понятия) можно ознакомиться в моей книге «Что такое экология...» (М., 1993, с. 42-50)

естественным. Точно так же, как естественно было принятие ими идей горбачевской Перестройки, которая и состоялась в значительной мере благодаря активной позиции журналистов. Если вспомнить далее о трех значениях слова «толерантность», то тем самым ставятся вопросы об определяющих особенностях практики, которую тогда можно было бы назвать *коммуникативной журналистикой*, о технике, или, если угодно, технологии обеспечивающей и формирующей ее работы журналистов. Я думаю, что лучший ответ на такие вопросы могут дать своей работой журналисты-практики, среди которых немало профессионалов с хорошо поставленной рефлексией. Тем не менее, учитывая сложность ситуации, попытаюсь изложить некоторые теоретические и методологические соображения в надежде, что и они могут оказаться полезными.

Если двигаться от идеологии к концепции, а от нее к технологии, то, как я уже старался показать, ценности под именем «толерантность» ставятся в соответствие ключевые понятия диалога и диалогичной организации мышления. Как ни странно, но в длинной череде веков, отделяющих нас от Сократа, Платона, Софокла и Аристофана, активный анализ диалога как такового и построение соответствующего понятия развернулись лишь в последние сто лет и связаны прежде всего с именами «философов-диалогистов»: М.М.Бахтина, М.Бубера, Э.Розенштока-Хюсси и Ф.Розенцвейга, а также с разработками Московского методологического кружка. Собственно, в осмыслении и изучении диалога сделаны пусть и очень важные, однако лишь самые первые шаги.

Здесь не место для философии, но все же необходимо разобраться, о чем идет речь.

Немного теории

Начинать приходится с того, что слово «диалог» используется в нашей повседневной жизни едва ли не как синоним коммуникации, общения, беседы, разговора¹⁶. С этим не приходится спорить, тем не менее, для наших целей понимание диалога как словесного общения посредством обмена репликами (высказываниями) недостаточно: такова не более чем внешняя форма общения, которая в зависимости от ситуации облекает совершенно разные процессы. При этом оказывается, что слово «диалог» может иметь еще и другое значение. С одной стороны, оно шире указанного. Как пишет М.Бахтин (1972, с. 71), «... диалогические отношения явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет *смысл и значение*». (Курсив мой – М.Р.) С другой стороны, – и в данном случае это не менее важно – еще, потому что, если утвердившиеся значения неотъемлемы от слов (значе-

¹⁶ Часто говорят еще о полилоге, имея в виду общение более, чем двух субъектов. От этого уже никуда не денешься, хотя «диа» в греческом слове «dialogos» (как и в слове «диалектика») обозначает вовсе не два, а «между». Так что в «полилоге» теряется очень важный в данном случае этимон (etymon), «истинное значение» слова: диалог – «междусловие». Я благодарю Р.Торпусман (Иерусалим), любезно поделившуюся со мною знаниями древнегреческого языка.

ния приписаны им языковедами, закреплены и нормированы в словарях), то смыслами слова обрастают отнюдь не всегда, а «композиционно выраженный диалог» нередко прикрывает монологично организованное мышление.

Сейчас я поясню это, но сперва *договоримся различать диалог в широком, обыденном смысле слова (диалог-1) и в узком, или точном смысле (диалог-2)*¹⁷. Такого же различения, впрочем, требует и монолог, ибо как диалог, так и монолог, суть «идеальные типы» организации высказываний и речи в целом, между ними существует множество промежуточных форм (Лави, 1991, с. 75-77). Подлинному диалогу (диалогу-2) противостоит широко распространенный способ общения, который можно квалифицировать как «обмен монологами». При этом, согласно Бахтину (1979, с. 302), отдельное высказывание трактуется как механическая реакция, а «диалог как цепь реакций» (так он описывается в дескриптивной лингвистике или у бихевиористов – поясняет Бахтин). Формально обмен монологами не отличается от диалога, но сходство их, в сущности, и ограничивается, повторю, общностью внешней формы. Ибо в отличие от высказывания в диалоге, как пишет Бахтин, монолог мыслится как «речь, никому не адресованная и не предполагающая ответа» (там же, с. 296).

Что касается значений и смыслов, то это фундаментальная тема, которую здесь нельзя обойти, но о которой приходится говорить кратко. И значения, и смыслы я вслед за Г.П.Щедровицким (1995, с. 545-576) рассматриваю как разные структурные компоненты деятельности понимания (и, думаю, порождения) речи, которые лишь вторичным образом – причем искусственно и совершенно по-разному – «прикрепляются» к словам. В итоге возникает связь значимой слов с парадигматической системой языка, а смыслов – с синтагматической, ситуативной системой речи; различаются денотативные (направленные на обозначаемый предмет) и коннотативные (направленные на другие слова) отношения обозначаемого. С этим связана бахтинская «двуголосость», «двойная направленность» слова в диалоге: и на предмет речи, как у обычного слова, «и на другое слово, на чужую речь» (Бахтин, 1972, с. 316). Существенно при этом, что появление у слова «второго голоса» связывается с обязательным появлением авторской позиции, непременно присутствующей в диалоге и не обязательной в монологе¹⁸.

Мне кажется, что, подчеркивая двойную направленность слова в диалоге (в отличие от монолога), Бахтин имел в виду не только уровень отдельных слов, но и уровень целых высказываний. Он различал «диалогические отношения между текстами и внутри текста» (Бахтин, 1979, с. 283). Это особенно важно в

¹⁷ Если уж говорить всерьез, то следовало бы добавить, что диалог-1 понимается как воспроизводящая по нормам и не требующая мысли *деятельность* в противоположность диалогу-2, оказывающемуся уникальной и неповторимой реализацией *мыследеятельности* (подробнее об этом см. Г.П.Щедровицкий, 1995, с. 281-299). Различения такого рода восходят к средневековому различению профанного и сакрального. Ср. с различениями борзописца и журналиста и др. в предыдущей главе.

¹⁸ Это достаточно тонкий момент: мы привыкли к тому, что монологи произносятся от первого лица, но так дело обстоит, скорее, с театральным монологом. Если иметь в виду монолог как идеальный тип организации речи и мышления, то я бы вспомнил, прежде всего, научный дискурс, безличный и безликий. Высказывания же от первого лица как раз чаще бывают диалогичны. Вообще монологи (как и диалоги) требуют своей типологии.

контексте нашей работы, где – аналогично значению и смыслу слова – необходимо различать содержание и смысл высказывания. На мой взгляд, значение слова «смысл» при этом не меняется.

Когда мы говорим о том или ином «смысле слова», имеются в виду две взаимосвязанные, но все же разные вещи. Во-первых, это может быть тот или иной оттенок значения (а то и просто омонимия), т.е., строго говоря, вообще не смысл. Так, например, обстояло дело выше, при введении различения диалога-1 и диалога-2. Во-вторых, речь может идти о специфической выразительной нагрузке, которая ложится на слово в данном контексте (и/или в данной ситуации), и которая может исчезнуть вместе с этим контекстом (ситуацией)¹⁹. Вот эта нагрузка и именуется смыслом, но мне кажется, что в речи мы имеем дело с особой формой существования смысла: смыслом, выраженным в наличном тексте (или контексте) и прикрепляющимся к нему, материализованным, так сказать, в словах. Здесь и возникает иллюзия «объективного» смысла. Вообще же смыслы возникают в нашем сознании в процессе порождения и понимания речи, но – и это кардинально важно – не только речи, а также других человеческих действий. Нет и не может быть смысла у естественных процессов и явлений: пустое дело – искать смысл в идущем дожде или в том, что я споткнулся, входя в дом. Но человеческие действия, поступки всегда – явно или неявно – осмысленны, в противном случае (вспомним Л.Мартынова²⁰) они называются иначе. Другое дело, что «принадлежат» эти смыслы не поступкам, а поступающему: это мы, со стороны, проецируем их (либо свои собственные смыслы, появляющиеся в процессе понимания происходящего) на поступок. Кстати, М.М.Бахтин видел и прямую аналогию поступка с текстом. Он писал (1979, с. 286): «Человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени...». Именно эти обстоятельства и стоят за тезисом Бахтина об универсальности диалогических отношений в человеческой жизни. Я бы только еще раз подчеркнул, что жизнь для него не просто существование, но «неповторимая единственность» для каждого из нас «как индивидуально ответственно активных» (1986, с. 86).

С учетом всего этого, говоря о «коммуникативной журналистике», надо иметь в виду, что необходимым условием такой журналистики является ответственная гражданская позиция пишущего, но она может быть реализована профессионально, если у журналиста есть: 1) личное отношение, кровная заинтересованность в теме; 2) установка на диалог, а также 3) необходимые методы, средства и техники ее реализации в профессиональной работе. Меньше всего я хотел бы читать лекции о морали: полагаю, что такого рода вопросы каждый решает для себя сам. Поэтому займемся лучше диалогом на страницах (в эфире, на экране) СМИ. Кстати, несколько лет сотрудничества в старой – до ухода В.Третьякова – «Независимой газете» делают эту тему очень занимательной и важной для меня лично (подробнее об этом – далее).

¹⁹ При частом воспроизведении такая нагрузка закрепляется в значении слова, но это уже исторический процесс.

²⁰ «Мятеж не может кончиться удачей, тогда он называется иначе».

Но мы еще не закончили с теорией. Давайте теперь еще раз вернемся к различению диалога-1 – привычного нам обмена знаниями, информацией, характерного для научных конференций и совещаний, с одной стороны, и диалога-2 – с другой. Первая, в сущности, *кооперативная* форма организации предполагает обмен готовыми продуктами интеллектуальной работы: домашними заготовками или заимствованиями на стороне, пополняющими запас знаний всех участников. Вторая, *коммуникативная*, напротив, ориентирована на возбуждение мышления «здесь и теперь» по поводу высказываемых тезисов. *Мысли не привносятся в диалог извне, а порождаются в диалоге, являются продуктом не отдельно взятого ума, но результатом коммуникации, способствующей развитию коллективной деятельности, а по сопричастности и ее участников (Щедровицкий, 1995).*

В рамках своей ставшей знаменитой дилеммы «Иметь или быть?» прекрасно написал об этом Э.Фромм (1989, с. 41). Имея в виду общение по принципу бытия, он писал, в частности, о реакции собеседников, которая «непосредственна и продуктивна; они забывают о себе, о своих знаниях и положении в обществе... Их собственное «я» не чинит им препятствий, и именно по этой причине они могут всем своим существом реагировать на другого человека и его мысли. У них рождаются новые идеи, потому что они не держатся ни за какую из них. В то время как люди, ориентированные на обладание, полагаются на то, что они *имеют*, люди, ориентированные на бытие, полагаются на то, что они *есть*, что они живые существа и что в ходе беседы обязательно родится что-то новое, если они будут всегда оставаться самими собой...» Таким образом, добавляет Фромм, беседа из своеобразного товарообмена превращается в диалог, «в котором уже больше не имеет значения, кто прав».

Изложенные соображения позволяют заметить принципиальную дефицитность повсеместно и безраздельно господствующего сейчас информационного подхода, используемого среди прочего для понимания и описания деятельности журналиста²¹. Действительно, современная трактовка диалога – в указанном словарном понимании, т.е. диалога-1, – как и тридцать лет назад, сводит все дело к схеме передачи и приема сообщений, иначе говоря к обмену *информацией* или *знаниями*, между которыми не принято проводить различия. Такого рода обмен, конечно, имеет место в любом разговоре или переписке. Согласно расхожей истине, каждый из участников при этом увеличивает объем личной информации – в отличие от обмена яблоками, который представляется как игра с нулевой суммой. Но, как мы видели, диалог не сводится к обмену, и «обратимость не имеет ничего общего с обоюдностью» (Бодрийяр). Как отмечает В.Никитаев (1998), суть информационного подхода «... в устранении из поля зрения социальных и культурных рамок, в отказе от рефлексии по поводу ценностей – поскольку статья на точку зрения *информации* и означает перестать различать слова и понятия, сущее и должное, добро и зло, нравственное и безнравственное».

²¹ Показательно, что даже такой продвинутый автор как Патрис Пави (1991, с. 76) видит определяющую особенность диалога в обмене информацией между его участниками. Между тем радикальная критика информационного подхода применительно к масс-медиа была осуществлена Жаном Бодрийяром еще в 1972 г. (*Бодрийяр, 1999*).

Следуя Г.П.Щедровицкому (1995), я представляю себе диалог как деятельность с гораздо более сложной структурой, чем представляемая в рамках информационного подхода. Все начинается с того, что говорящий и слушающий находятся в разных ситуациях, в связи с чем от реципиента требуется специальная работа понимания, т.е. соотнесения текста сообщения с этими ситуациями. Над процессом обмена информацией между собеседниками надстраивается как бы «второй этаж», где на базе объединяющих «этажи» процессов рефлексии и понимания рождаются и умирают смыслы, а, в случае особого везения, иногда рождается мысль. Может быть, сказанное станет понятнее, если взглянуть на все это, различая *знания* и *информацию*. А именно, будем считать, что знания требуют понимания, интерпретации, встраивания на подходящие места в системах деятельности, между представителями которых идет диалог, и которые в связи с этим сами изменяются. Информация ничего этого не предполагает: к примеру, информация об очередном пожаре занимает свое, заранее подготовленное место в деятельности пожарников, не требуя от них работы понимания и ничего не меняя в системе их функционирования. Принципиально важно, что оба обсуждаемые понятия – функциональны. Это значит, что ничто само по себе не является знаниями или информацией: все зависит от способа их употребления в деятельности. *Встраивая новости в старую деятельность, мы используем их как информацию; изменяя свою деятельность сообразно получаемым новостям, мы употребляем их в качестве знаний.* В итоге оказывается, что информационный подход хорош применительно к диалогу-1, но абсолютно непригоден по отношению к диалогу-2, когда решающую роль начинают играть процессы рефлексии, понимания и мышления.

Здесь нам придется все же обратиться к схеме мыследеятельности Щедровицкого, которая упоминалась пока лишь в примечании. Дело в том, что это первый и пока единственный опыт структуризации «интеллектуальной работы» в целом, где среди прочего выделяются слои мышления, коммуникации и действий. В контексте этой схемы диалог-2 занимает место мысли-коммуникации. Но подобная форма общения обеспечивается особым образом организованным мышлением, которое тоже можно назвать диалогичным. (Я бы назвал его также позиционным, или методологическим.)

Мышление, на мой взгляд, вообще подобно электрическому току, возникающему (если и когда оно возникает) только при наличии разницы потенциалов. Оно возникает – как монологичное (дискурсивное) – из различия представлений мышлящего в начале и в намечаемом конце размышлений, либо – как диалогичное – из различия и/или противоречия рядоположенных представлений собеседников. В первом случае итог размышлений должен быть так или иначе предзадан: типичными примерами могут служить доказательство теорем или решение задач, когда наперед известно, как минимум, что именно требуется доказать (или узнать). Во втором – ничего похожего может не быть: обязателен лишь деятельностный контекст, задающий тему и рамки диалога; куда он приведет, выясняется только по ходу дела. В первом случае выход в рефлексии и проблематизация происходят, если и когда решение задачи наталкивается на непреодолимые трудности. При этом все же *собственной формой организации*

монолога можно считать задачную организацию. Напротив, для диалога в силу несогласованности позиций участников характерна проблемная организация. Если иметь в виду конфликтные ситуации и толерантные установки его участников, то можно видеть смысл диалога для них как раз во взаимопределении и согласовании позиций, но как именно будут (и будут ли) сдвигаться их позиции, что при этом будет происходить с содержанием обсуждения, – наперед неизвестно.

От теории к практике

Поскольку диалог пронизывает всю нашу жизнь, я могу только наметить несколько направлений практического развертывания изложенных соображений, которые кажутся мне особенно важными в плане нашей темы. Обсудим коротко три таких направления: стратегии участников и типологию диалогов, диалог (versus монолог) в конфликтных ситуациях, диалог как рамочную конструкцию. Тема межкультурного диалога обсуждается далее в специальном параграфе.

Сказанное выше о течении диалога отнюдь не означает, что диалог несет своих участников, как весенний поток щепки. В жизни, конечно, всякое бывает, но происходящее все же зависит от участников. Во-первых, как уже говорилось, осмысленность диалогу в целом придает его деятельностный контекст. (Пропустив говоря, обсуждение даже самой интересной темы «вообще», безотносительно к целям и планам его участников лишено смысла. Теория обретает смысл, будучи задействованной в практике или в перспективе такого употребления.) Из этого следует, что *участники диалога преследуют собственные цели и озабочены их достижением, сам же диалог (если и когда он уже идет) оказывается лишь средством, формой организации движения на пути к целям.* Поскольку регулятивы – ценности, цели, нормы, онтологические картины – деятельности участников всегда более или менее различны, каждый из них полагает собственные цели и в диалоге. В большинстве случаев цели участников диалога будут отличаться как друг от друга, так и от их же целей в объемлющей деятельности. *Диалог оказывается очень странной формой организации, обеспечивающей одновременное движение участников к разным целям.* Это мой важнейший тезис, который можно и нужно «обернуть» на нашу работу здесь и теперь в рамках всей ФЦП и проекта задействования СМИ, в частности. Ибо, разумеется, наряду с объединяющей нас всех ценностью и идеологией толерантности у каждого есть (или должны быть) собственные цели в общей работе. В данном случае – подчеркну еще раз, – важна не только объединяющая идея, но и специфицирующие особенности. С этим связана среди прочего обсуждавшаяся выше идея программной организации.

Практическое употребление излагаемых соображений требует далее разработки типологии ситуаций (и/или диалогов), определяемых сходством и различием регулятивов деятельности участников как в объемлющих контекстах, так и непосредственно в диалоге. Если эта задача и имеет решение, то все же она не может быть решена здесь и теперь. Чтобы показать ее *практическое*

значение, приведу два примера. Первый касается редкого (идеального) случая совпадения друг с другом важнейших регулятивов участников в диалоге, – но не в объемлющем деятельностном контексте. Это, скажем, ситуация интеллектуальной дискуссии, участники которой озабочены исключительно продвижением к истине, но совершенно не интересуются своей победой над оппонентом (Поппер, 1983). Плоды общего движения могут быть использованы далее каждым из участников по-своему – это уже неважно. Второй пример (специально подобранный по контрасту) – так называемый межкультурный диалог, который все же надо мыслить как диалог *представителей* разных культур: никто не может выступать от лица культуры. Это заведомо проблемная ситуация, когда желающие вступить в диалог (возникающий в таких обстоятельствах далеко не всегда) ориентируются на разные системы ценностей, руководствуются разными нормами мышления и деятельности, говорят на разных языках (в металингвистическом значении языка), имеют, скорее всего, разные картины мира. Тем не менее, иногда диалог все же возникает и в таких случаях, причем совпадение хотя бы некоторых ценностей – прежде всего, исходной установки на толерантность – оказывается здесь условием успеха, не говоря уже о наличии объединяющего деятельностного контекста.

Приведенные примеры требуют развернутого рассмотрения, и к теме межкультурного диалога мы еще вернемся. Наряду с ними здесь следовало бы обсуждать дискуссию вообще (не ограничиваясь указанным частным случаем, который я назвал бы идеальной или попперовской дискуссией), спор, полемику, торговые, политические и прочие переговоры разного рода как различные *типы диалога*. Сюда же примыкают упоминавшиеся «соседние» формы общения типа информационного обмена и такие псевдоморфозы как «диалог глухих» и многоголосый монолог (Пави, 1991). Предстоит еще разобраться, чем именно названные выше типы диалога отличаются друг от друга, и какие разновидности могут возникнуть внутри каждого из этих типов за счет совпадения и несовпадения – в разных комбинациях – регулятивов, которыми руководствуются участники²². Наконец, – в этом и состоит практическое значение моих рассуждений – *в рамках каждого выделенного типа и разновидности диалога могут обсуждаться стратегии участников*, говорить о которых «в общем» мало смысла²³.

В контексте нашей темы особый интерес представляют перспективы и возможности диалогической организации мышления в конфликтных ситуациях,

²² Этот план, кстати, развивает старую идею Бахтина (1979, с. 237) о речевых жанрах.

²³ В связи с этим вспоминается байка, которую рассказывал как-то коллега П.Г.Щедровицкий. «Как возникла логика Аристотеля? Аристотель участвовал в семинарах Платона и ничего не понимал. У них все время менялся предмет дискуссии. Они все время отвлекались. Все время меняли рамки. И что Аристотель решил делать? Он решил нормировать коммуникацию. Стал писать, что правильное рассуждение должно быть выстроено с помощью силлогизмов, в них есть большая посылка и малая посылка. Потом он с этими возражениями пришел к Платону и сказал, что тот неправильно разговаривает. Понятно, что ему сказал Платон. Аристотель обиделся и все пронормировал. Написал кучу текстов. Я считаю, что у него самая интересная работа - это «Топика». На старости лет Аристотель стал больше понимать и попытался выстроить нормы сложной коммуникации. Потом все участники семинара умерли, контекст оказался позабыт, осталась только «плоская» норма».

а так же сопоставление их с возможностями монолога. Конечно, монолог вообще не релевантен ситуации конфликта, но приходится считаться с тем, что диалог (диалог-2), похоже, является довольно поздним (и при этом искусственным) явлением в истории. Монологизм же – издревле и вплоть до нашего времени – характерен для множества традиционных (а теперь уже не только традиционных – это очень важное добавление) культур. Кроме того, конфликт – и чем более острый, тем в большей степени – психологически провоцирует именно монологическую («естественную») реакцию.

Похоже, что в достаточно развитой форме диалогичная организация мышления возникает в связи с формированием «европейской школы мысли» (М.К.Петров), и мы находим едва ли не первые ее результаты и продукты в диалогах Платона. Вероятно, многие сочтут передержкой квалификацию религиозного мышления вообще как преимущественно монологического²⁴, но, согласимся, что для такой точки зрения есть свои основания, истоки которых скрываются в древности, а современные проявления фиксируются как в трудностях экуменического движения, так и во внутриконфессиональных конфликтах. Имя Аллаха на устах сеющих смерть и погибающих при этом шахидов также вполне укладывается в эту гипотезу. Я не спешил бы соглашаться с Ф.Фукуямой (2002) по части «исламского фашизма», но, что касается тенденций монологизма в исламе, то с этим, кажется, трудно спорить, особенно, учитывая, что таких тенденций не чужды и другие религии (и, как будет показано чуть ниже, не только религии). Вспоминая наметившиеся процессы формирования нового биполярного мира, стоит задуматься о причинах этого явления: то ли дело в особенностях христианства, господствующего в «первом мире», то ли в давней истории отделения церкви от государства (и диалога между ними, приведенного, согласно Берману, к становлению идеи права), то ли во влиянии – и на то, и на другое – «европейской школы мысли»?

Важно иметь в виду, что склонность к монологичной организации унаследовала от религии и наука: в своей многовековой борьбе обе эти институции претендовали на *истину*. На последнем этапе истории накал их борьбы снизился, но скорее по причинам социального, нежели интеллектуального порядка. Проблема истины так и не была решена, она просто ушла с авансены интеллектуальной жизни. Объемлющим по отношению к основному современному претенденту на истину – фундаментальным естественным наукам – стал инженерный подход, «когда строится прямой путь от размышления к проектированию новых технологических принципов, а потом ставится задача ученым найти в естественном материале то, что нужно для инженерии» (Понов, 1999, с. 59). Однако эту тему надо обсуждать отдельно. Разумеется, и в религии, и в науке диалог использовался очень широко, но только в качестве инструмента. Вслед за тем всегда происходила и происходит «монологизация», упрощение и уплощение живой диалогичной мысли, редукция ее к догмату веры или позитивной истине (по вскрытой М.Бахтиным схеме традиционного литературо-

²⁴ О нетерпимости религиозных инстанций, «по крайней мере, потенциальной» пишет и Майкл Уолцер (2000, с. 96), видящий в этом основание для отделения церкви от государства.

ведческого анализа творчества Достоевского) ²⁵. *Из редукции такого рода возникает наша уверенность, когда мы действуем не от себя, а «от имени» внеположенной науки, культуры или права (а уж тем паче – религии), когда «... путь от посылки к выводу совершается свято и безгрешно, ибо на этом пути меня самого нет...»* (Бахтин, 1986, с. 97).

На мой взгляд, сказанное имеет прямое отношение к так называемому фундаментализму, и эта тема требует хотя бы краткого обсуждения здесь и теперь. Понятие фундаментализма несколько расплылось, а соответствующий ярлык получил в последние годы широкое хождение, прежде всего в сочетании «исламский фундаментализм»; смысл его понятен, но он давно требует серьезного анализа обозначаемого таким образом феномена. Тем паче, что, как отмечает Г.Павловский (2003), есть еще фундаменталистский терроризм, который надо выделять из прочих его видов. «В перспективе он даже более опасен, чем сегодня: ведь фундаментализм имеет, в принципе, перспективу во всех остальных традициях. Скорее всего, грядет период усиления фундаментализма, и важно, чтобы этот процесс принимал конструктивные – культурные и религиозные формы, но не военные». Я думаю, что *любая традиция или идеология имеет шанс приобрести форму фундаментализма, теряя толерантность и способность к диалогу, становясь монологичной и агрессивной, начиная осознавать (и объявляя) себя единственно верным учением*. Здесь и срабатывает описанный механизм, который Эрих Фромм позже проанализирует и назовет «бегством от свободы». Коротко я сказал бы, что в современном словоупотреблении фундаментализм обозначает не столько возврат к исходным ценностям того или иного вероучения, сколько монологичную его форму. При этом монолизм накладывает на любое учение особую печать редукционизма: все монологизированные учения стремятся решать сложные вопросы простыми методами, все они в связи с этим оказываются чисто идеологическими. Более глубокая проработка собственных идей оказывается для них слишком сложной. В свете сказанного понятно, что, добиваясь власти, фундаменталисты всегда устанавливают в границах ее юрисдикции тоталитарный режим.

При таком понимании я не очень представляю себе «конструктивные формы» фундаментализма, тем более, что пока что мы имеем «террористические квазиинституты», которые, как говорит далее Павловский, «будут устранять препятствия на своем пути, будь то религиозные, моральные или персональные. Их цель – подчинить себе всех, кого можно, в том числе в западных странах, странах Европы тоже. Старый свет в этом отношении недооценивает потенциальной готовности ряда кругов к коллаборационизму. Я думаю, здесь нас еще ожидают сюрпризы. Однако это уже как бы про другой мир, и я думаю, мы его скоро увидим». В этом контексте упомянутый тезис Фукуямы об исламском фашизме кажется излишним: и фашизм, и нацизм, и большевизм выступают как конкретные исторические формы фундаментализма, а исламский

²⁵ Например, по справедливому замечанию Б.М.Энгельгардта, «У Достоевского нельзя найти так называемого объективного описания внешнего мира», но, как показывает Бахтин (1972, с. 39 и др.), у его интерпретаторов оно так или иначе появляется.

фундаментализм дает пример еще одной такой формы, ряд которых, видимо, бесконечен ²⁶.

Возвращаясь непосредственно к нашей теме, надо полагать – насколько это обстоятельство поддается реконструкции, – что участники конфликтов в современном мире рассуждают равным образом как моно-, так и диалогически. То, что диалог, если в нем участвуют все участники конфликта, *может* – если повезет – привести к постановке и решению проблемы, а вслед за тем и к разрешению конфликта, теоретически очевидно. Не столь прозрачны перспективы задачно организованного дискурсивного мышления. Если мы имеем дело с конфликтом типа продавца и покупателя, которым надо договориться о взаимоприемлемой цене товара, то возможностей диалога-1, «обмена информацией» (торговли), как правило, достаточно. Но если таким образом конфликт не разрешается, а в результате многочисленных попыток разрешения за ним начинает вырисовываться проблема – в этом случае, похоже, дискурсивное мышление бессильно. Противник нас «не понимает», «не слышит», «не хочет понять», «не склонен к диалогу» – все эти квалификации говорят об одном: о том, что мы имеем дело с проблемной ситуацией. Убеждать оппонента в своей правоте в таких случаях бесполезно. Здесь требуется рефлексия, т.е. критический пересмотр, проблематизация и смена средств *собственного* мышления: по-своему правы в таких случаях бывают обычно обе стороны.

Особую тему представляет собой рамочная функция диалога, но ее обсуждение странным образом вредно вести вне связи с другой, «парной» рамкой права. Позволю себе привести длинную цитату из работы «Русская идея...» (1996, с. 12), где речь идет как раз о рамках развития России, какими их видят авторы. «**Рамка права** означает принятие принципа формального равенства перед судом и законом для всех граждан России (включая и власть предержавших). В рамках права не может быть врагов, а могут быть только оппоненты, соперники, противники. Все конфликты могут разрешаться при этом либо политическими средствами, либо в судебном порядке. **Рамка диалога** означает признание того, что все люди, все народы – разные. Каждый имеет право на свои подходы и взгляды, но никто не имеет оснований объявлять их единственно верными и добрыми. Отказывая себе в праве на такие безосновательные претензии, мы получаем возможность мирного сосуществования и важнейший ресурс развития во взаимодействии разных подходов, интересов и взглядов, разных культур».

В принятии означенных рамок находит свое выражение идеал мирного сосуществования представителей разных позиций – идет ли речь о человечес-

²⁶ Можно вспомнить и более локальные примеры: от северокорейского режима до так называемых «тоталитарных сект». Кстати, бытующее расширительное толкование фашизма (как, например, в случае с «экологическим фашизмом») свидетельствует о дефиците некоторого обобщающего понятия и термина. Эта тема требует специального обсуждения, но в качестве предварительного вклада в такое обсуждение я заметил бы, что сказанное о фундаментализме можно с равным успехом трактовать как альтернативу идеи «вечного (ур-) фашизма» Умберто Эко (1998) и как следующий шаг в развитии этой идеи. Некоторые выделенные Эко определяющие особенности ур-фашизма – нетерпимость к «другому» и стремление к консенсусу, иррационализм, культ безрефлексивного действия и др. – могут быть при этом отнесены к любому типу фундаментализма.

ком роде или о студенческом общежитии. Дело в том, что, *встречаясь с «другим», мы неизбежно оказываемся перед дилеммой: считать ли свою позицию и свои взгляды верными, а позицию и взгляды другого – ошибочными, либо считать и те, и другие рядоположенными, но тогда уж частными и частичными.* Выбор первого пути ведет к монологичной организации, борьбе с инакомыслящими (которая рано или поздно обязательно превращается в борьбу с мыслящими и мышлением как таковым); выбор второго – к диалогу, партнерству или соперничеству, но ограниченному определенными рамками, в предельном случае – рамкой права. На мой взгляд, это жизненно важная тема, которая, видимо, в силу своей абстрактности не привлекает к себе достаточного внимания. Я попробую кратко обозначить проблемы, возникающие в связи с названными рамками.

Проблемы культурного и правового плюрализма. Два поля политики

С этой целью нам придется ненадолго вернуться к теории. Вспоминая о различении смыслов и содержания коммуникативного текста, можно предположить, что объективное содержание существует в безжизненном мире теорий, в то время как смыслы образуются в жизненном мире и непосредственно связаны с нашими действиями и поступками. Поэтому само по себе содержание часто мало интересует людей дела: предпринимателей, управленцев, политиков, вообще практиков.

Я думаю, что здесь проходит очень важная граница, в идеале *одновременно* разделяющая выделенные М.Бахтиным «миры»: во-первых, мир культуры, где обитают среди прочего теории, и противостоящий ему «мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, жили и умираем»; иначе говоря, «мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается» (1986, с. 82-83); во-вторых, мир безличного, никому не адресованного монолога и мир диалога, где каждое высказывание имеет автора и адресовано «другому» (1979, с. 281). Имея в виду эти бахтинские различия, я бы сказал короче: *в мире жизни, поступка господствует диалогичная организация мышления, в мире культуры и теории правит бал монолог*²⁷. В жизни мама может адресовать ребенку требование почистить зубы, но чистка зубов как культурная норма не имеет ни автора, ни адресата.

²⁷ При этом важно различать построенную, ставшую, вошедшую в культуру, функционирующую теорию, которая только и образует свой более или менее замкнутый мир, противопоставляемый жизненному миру, и теорию, строящуюся, становящуюся – строящуюся и становящуюся по необходимости в жизненном мире: поступком оказывается сам факт ее построения. Строящаяся теория – это, в сущности, вовсе и не теория (теории ведь еще нет), а волевым образом реализуемая концепция. Не зря теории называют именами их авторов. Галилей и Ньютон, разрабатывая и публикуя свои теории, находились в диалогических отношениях с современниками и совершали поступки, но после того, как их теории вошли в культуру, многие поколения школьников, решающих задачи по механике, всего лишь используют их построения, получая при этом стандартные оценки за свою работу. (Я апеллирую к Галилею и Ньютону как знаковым фигурам, сказанное не связано с масштабом нововведений.)

Так, повторю, можно представлять себе идеал, но это было бы чересчур просто и здорово: реальность, как обычно, оказывается более сложной. Думаю, что в нашей жизни господствует не диалог, а происходит, фигурально выражаясь, постоянная, меняющая лишь свои формы «борьба диалога с монологом». Вместе с тем идеи диалогичной организации проникают в культуру, для которой они разрушительны. Под культурой при этом подразумевается система норм, эталонов и образцов, обеспечивающая воспроизводство деятельности (*Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967; Щедровицкий, 1995*) и жизненного уклада общества в постоянно меняющихся условиях. Так понимаемая культура должна быть организована монологично и иерархически²⁸. Действительно, во-первых, в культуре отсутствуют субъекты, в т.ч. субъекты возможного диалога. Во-вторых, если даже понимать диалог метафорически, само существование «конкурирующих» норм, эталонов и образцов делает невозможным существование культуры: достаточно представить себе конкурирующие эталоны метра или килограмма!

Но тем самым ставятся под вопрос многие постмодернистские построения и, прежде всего, идеи культурного плюрализма, мультикультурализма²⁹. «Диалог культур» (реальный диалог происходит все же между субъектами, представителями разных культур) – прекрасная идея, но ее реализация всегда оказывается проблемой, решение которой, если и когда оно достигается, в силу своей принципиальной ситуативности не поддается культурной нормировке. Мультикультурное общество качественно отличается от общества монокультурного: второе может мирно воспроизводиться с помощью своей культуры; первое в принципе невоспроизводимо: оно либо живет в режиме постоянной проблематизации и решения проблем, т.е. развивается, либо разваливается на составные части. Это утверждение, правда, относится к веберовским «идеальным типам», а реальные общественные системы лишь более или менее приближаются к таковым. В данном контексте можно сказать, что реальное общество воспроизводится за счет толерантности своих граждан, но развитие все же требует диалога. Иначе говоря, толерантность – условие мирного сосуществования, диалог – условие и требование развития. Тем не менее, сказанное выше задает новый взгляд на многие вопросы, связанные, в частности, с жизнью империй, культурными автономиями, федерализмом и сепаратизмом.

Сама по себе установка на толерантность и межкультурный диалог приводит к пресловутой «политкорректности», рискованной – в своей фундаменталистской ипостаси – превратить диалог и толерантность в свою противоположность: монолог и диктат меньшинства. При этом люди теряют способность к подлинному самоопределению: они идентифицируют себя только через групповую принадлежность; снова (не забыли еще Невзорова?) появляются «наши» и «не наши»; расплывается иерархия культурных ценностей и т.д. (*Серл, 2002*). Во избежание этих далеко идущих неприятностей – а они прослеживаются далее вплоть до известной проблемы переговоров с террористами, – толерантно-

²⁸ Это не мешает считать частью культуры *тексты* диалогов Платона или трагедий Шекспира. Среди прочего культурой обеспечивается и воспроизводство диалога.

²⁹ Я здесь не провожу между ними различия, о котором пишет *Малахов (2000)*.

сти и диалогу должен быть поставлен предел. Такой предел и задается рамкой права, которая понимается в данном случае как предельная рамка коммуникации в конфликтных ситуациях, но которая вообще-то равным образом касается и монолога. Однако, здесь мы переходим к проблемам, которые вырисовываются за пределами названных рамок, там, где политика может «продолжаться другими средствами».

Важнейшая проблема состоит в отсутствии «общечеловеческих» представлений о содержании права. Поэтому отсылки к «рамке права» операциональны до тех пор, пока речь идет об ареалах господства тех или иных национальных правовых систем, либо о так называемом «международном праве». Что касается последнего, то, эта идея сама по себе достаточно проблематична: по существу, здесь надо вести речь о некоей правовой метасистеме, призванной объединять все (или многие) действующие национальные системы. Худо-бедно такая метасистема формируется в границах ЕС, но в планетарных масштабах возникают трудно преодолимые проблемы. Во-первых, действенность международного права обратно пропорциональна серьезности правовых коллизий: как говорил Дин Ачесон, «выживание государств – не вопрос права» (А.Кассезе, 2001, с. 364). Во-вторых, его система далеко не завершена: концы не сходятся с концами, а многие животрепещущие вопросы еще ждут своего решения. В-третьих, она стыкуется лишь с некоторыми системами национального права, действующими преимущественно в странах европейской культуры. Но самое главное: отсутствует система власти, которая могла бы обеспечить реальное верховенство международного права в мировом масштабе. В частности, плохо проработана и неэффективна действующая под эгидой ООН и ее Совета Безопасности система санкций. Как мягко заметил А.Кассезе, современная система международного права по сравнению с Вестфальской системой оказывается, скорее, идеалистичной, чем реалистичной³⁰.

В основе европейского правопонимания (на котором основано международное право) лежит принцип формального равенства, что и отличает его, в первую очередь, например, от права шариатского или галахического, где люди делятся на правоверных и неверных (евреев и гоев), обладающих разными правами; где также разными правами обладают мужчины и женщины. Принцип формального (не)равенства для сторонников соответствующих правовых систем представляется едва ли не «естественным» и выступает не как специфический содержательный момент той или иной системы, а, скорее, как синоним права вообще. Последний тезис носители современной европейской правовой культуры могут легко проверить на самих себе: например, «правовая» система гитлеровской Германии, ставившая права человека в зависимость от его расовой принадлежности, считается, бесспорно, неправовой. Столь же бесспорно, что она является таковой в рамках европейской правовой культуры³¹.

³⁰ Более подробно и жестко об этом см. в недавней статье С.Егорова и Е.Смулянского «Фантом международного права» (Независимая газета, 4.02.03).

³¹ Ровно то же можно было бы сказать и о советской правовой системе, но по этому поводу можно сказать и больше. Действительно, можно ли называть правовой систему, где конституция и законы существуют для отвода глаз, а решение конфликтов отдано на откуп власти, по своему усмотрению

Развертывая дальше эту линию рассуждений с релятивистской позиции, можно сказать, что точно так же неправовыми оказываются друг по отношению к другу разные правовые системы. Достаточно посмотреть на классический шариат с европейской точки зрения: помимо упомянутого формального неравенства мы увидим здесь законность рабства, оправдание силовой агрессии во имя распространения ислама и даже отрицание суверенности не-мусульманских государств (Ан-Наим, 1999, с. 20). Другое дело, что на практике наиболее одиозные в современных условиях нормы не используются, и вопрос ставится даже о реформировании шариатского права в целом (этой теме и посвящена книга Ан-Наима).

Формально ситуация множественности правовых систем аналогична ситуации множественности культур, но если, говоря о диалоге культур в условиях конфликта, можно было ссылаться на объемлющую рамку права, то признание множественности правовых систем ставит вопрос о более широкой рамке. Боюсь, что, учитывая соответствие рамки права и рамки мирного сосуществования, в этом качестве остается говорить о «рамке силы», что, в сущности, приводит к исчезновению всяких цивилизационных рамок. Именно на этой «чистой доске» развертывается нынешняя эпопея борьбы с международным терроризмом. Война худо-бедно имеет свои рамки. Террористическая деятельность развертывается там, где война невозможна или заведомо проигрышна. Терроризм – оружие слабого. *Политический терроризм в свете сказанного я трактовал бы как еще одну (наряду с войной) форму «продолжения политики другими средствами».* Уж как минимум, согласно П.Г.Щедровицкому, это новый тип войны (Степанова, 2001). Но, если террористы эту форму или этот тип «изобрели» и успешно применяют, то международное сообщество пока не нашло адекватного ответа³².

Отказываясь от релятивистских установок «правового плюрализма» и «продавливая» идеи международного (европейского) права, как это сейчас и делается по инициативе США, мы все равно вынуждены действовать «не мытьем, так катаньем», в т.ч. силой. Однако, мне, как и Глебу Павловскому (2003), такая стратегия кажется предпочтительной в сравнении с явно или неявно реализуемой старой Европой стратегией «толерантности без берегов». Ведь в перспективе, причем не слишком далекой, эта вторая стратегия равносильна сдаче позиций. Не знаю, как кого, но меня не слишком вдохновляет перспектива замены европейской цивилизации очередным «новым порядком». Терпимость к нетерпимости должна иметь свои пределы, и в этом пункте различие культурного и правового плюрализма становится принципиальным.

руководствующейся «политической целесообразностью»? При этом, когда казалось «целесообразным», по прямому назначению использовались и действовавшие законы, в остальных случаях имевшие функцию фигового листа. Юридическая казуистика Вышинского была в этих обстоятельствах не более чем вспомогательным техническим средством.

³² В отличие от Алена Бадью (2003) я вижу за именем терроризма вполне определенное явление, но «войну с терроризмом», действительно, трудно себе представить. Как и война с преступностью или наркотиками – это не более, чем метафора. Для войны нужен субъект, враг, а борьба с популятивной системой терроризма (террористической сетью) предполагает какие-то иные средства и формы организации. Афганская кампания была войной не с терроризмом, а с государством фундаменталистов – талибов, покровительствовавшим террористам.

Показательным примером может служить здесь позиция У.Макбрайда (2002). Я, как и многие другие (достаточно вспомнить Джорджа Сороса), согласен с его критикой в адрес американской культуры в той мере, в которой она связана с гипертрофией ценностей прибыли и потребления. Но Макбрайд не ограничивается критикой, он объявляет, что диалог с «гегемонической» западной культурой, которую олицетворяет Америка, вообще невозможен по причине ее крайней агрессивности и нетерпимости. Если позволительно воспользоваться введенным выше понятием, можно сказать, что западная культура объявляется фундаменталистской. Причем «... единственная мыслимая форма сопротивления ей должна принимать форму террора, поскольку никакой диалог с ней уже невозможен» – такой тезис Макбрайд «часто склонен безоговорочно принимать», хотя и признает соответствующее видение мира «кошмарным». В другом месте он делает принципиальный вывод: необходима «терпимость», в том числе терпимость к отказу от участия в диалоге. Соответственно, я утверждаю, что единственным нетерпимым образом действий по отношению к религии, как и по отношению к *многим другим* (выделено мною – М.Р.) типам убеждений или образов жизни, является любая насильственная, принудительная попытка разделяющих определенные убеждения и/или образ жизни заставить других принять свои убеждения (образ жизни) или же претерпеть какого-то рода наказание, пытку или смерть». Любопытно, включается ли преступный образ жизни в число «многих других», не подлежащих наказанию? И как все же быть с террористами: они ведь тоже заставляют других принять свои убеждения или умереть?

В отличие от Макбрайда я считаю, что западная культура относительно (а иногда и чрезмерно) толерантна. Другим народам – а, по идее, скорее, государствам – навязывается не культура, а система международного права, основанная на принципе формального равенства³³. Жаль, конечно, что иногда приходится делать это насильственно и принудительно, но все же не следует смешивать толерантность с насилием. О несовершенстве нынешней системы международных отношений я уже говорил. Остается признать, что мирное сосуществование оказывается пока недостижимым идеалом. С тем, что оно недостижимо практически, трезвомыслящие люди давно смирились. Труднее согласиться с тем, что оно не обеспечено даже в мысли. Но, с другой стороны, тем шире круг проблем, которые нам еще предстоит осознать. При этом мы всегда имеем возможность двигаться локально, не претендуя на общие решения, сообразно условиям места и времени, а также особенностям текущего процесса, как это продемонстрировал Майкл Уолцер в упоминавшейся работе о толерантности.

Обращаясь с учетом сказанного к российским реалиям, можно заметить, что правовые рамки происходящего в стране задаются действующей Конституцией, на реализацию ряда статей которой, в конечном счете, нацелена ФЦП и данная работа, в частности. Тем не менее, изложенные соображения, в том числе касающиеся проблем культурного и правового плюрализма, проецируются

³³ На мой взгляд, так называемые «общечеловеческие ценности» если и существуют, то в качестве проекта, причем содержание этого проекта отнюдь не общепринято, а потому и надежд на его реализацию немного.

внутри российской действительности, позволяя расширить наше видение происходящего, уточнить контекст и получить более рельефное представление о ситуации, в которой разворачивается наша работа. Для меня важнейшим оказывается при этом прояснение исторической перспективы и связи двух переходных процессов: перехода *от толерантности* (как предрасположенности к диалогу) к актуальному *диалогу*, с одной стороны, и перехода *от ориентации на воспроизводство к ориентации на развитие* – с другой. Разумеется, говорить о переходах здесь можно только, имея в виду соответствующие тенденции и их реализацию в конкретных ситуациях, причем даже и тенденции такие могут стать только результатом наших целенаправленных усилий.

... Практическое значение идеи диалога неизмеримо шире не только сказанного, но и всего, что можно было бы сказать по этому поводу вообще и теоретически. В связи с этим я перейду непосредственно к практике. Как уже говорилось, коллизии на стыке журналистики и права были предметом специального анализа, результаты которого изложены в книге (Судебная реформа... 1996), поэтому дальше я сосредоточу внимание на некоторых аспектах коммуникативной журналистики. Здесь, однако, приходится учитывать многообразие не только речевых жанров (которого я касался ранее), но и типов общения³⁴, а самое главное – типов СМИ. Достаточно очевидно, что диалог на страницах толстого журнала и газеты строится по-разному, что уж говорить о радио, ТВ и, тем более, интернете, возможности которого в этом плане кажутся бесконечными, но само отнесение которого к СМИ остается при этом дискуссионным. Важное значение имеет и спектр возможных позиций СМИ между политическими ангажированными и «желтыми» изданиями, а также особенности их аудитории. Не имея возможности объять необъятное, я ограничусь примером из собственной практики. Понятно, что он покрывает лишь ничтожно малую (но, по моему, достаточно важную) часть очерченной предметной области.

Case study: случай «Независимой газеты»

На страницах «старой», времен В.Третьякова «Независимой газеты», «НГ-Сценариев» и «НГ-Науки» с 1995 по 2000 г. мне довелось выступать достаточно регулярно, в т.ч. как участнику различных дискуссий. Пару раз вспыхивала полемика и вокруг моих публикаций. Я не склонен преувеличивать значение этих споров, но считаю важным сам факт их появления на газетной полосе.

Ниже вниманию читателей предлагается статья, написанная осенью 2001 г., но так и оставшаяся в моем архиве: я не видел перспективы ее публикации. Конечно, с учетом всего сказанного ранее этот текст можно было бы переработать, но мне кажется, что, будучи изъят из контекста пусть и несостоявшейся, но предполагавшейся полемики, в первоизданном виде он лучше отвечает моим сегодняшним задачам: не только поразмыслить над диалогом в СМИ, но и про-

³⁴ Вспоминая статью У.Эко (2000), я рискнул бы говорить о сетевом диалоге как «третьей форме» общения, имея в виду, что первой была беседа, второй – общение посредством письменного текста (в том числе, посредством книги). Типологический ряд этих форм «ортогонален» ряду речевых жанров.

демонстрировать высказывание в контексте диалога, каким он видится мне, в частности, на полосе элитарной газеты³⁵.

«Независимая газета» как средство массовой коммуникации

В нынешних ежедневных газетах нет смысла. Они сообщают то же, что телевидение, только на следующий день; отличаются друг от друга только тем, что одни за Лужкова, а другие против.

Гр. Чхартишвили

Прошедшей весной было объявлено, что Борис Березовский уволил главного редактора НГ Виталия Третьякова по причине обострившихся политических разногласий. Это, конечно, его как владельца газеты право, и спорить здесь не о чем. Но, как могут видеть все заинтересованные лица (а я, будучи многолетним читателем и постоянным автором НГ, отношусь к их числу), после смены главного редактора в газете происходит смена не только *политической позиции*, но и *концепции издания*. Что касается политики, то в данном случае она меня мало волнует, тем паче, что наши с Третьяковым взгляды тоже во многом расходились. (Это, кстати, не мешало редакции публиковать мои статьи, в том числе и те, где с главным редактором, его заместителями и даже самим БАБом велась прямая полемика.) А вот в некоторых аспектах смены концепции я вижу предмет, достойный общественного внимания. Попросту говоря, мне бы не хотелось, чтобы в ходе перестройки «НГ» вместе с водой (скажем, чрезмерным количеством приложений или необъятными размерами некоторых материалов) выплеснули и ребеночка. Вопрос, конечно, кто в чем этого ребеночка видит. Краткое представление новой «НГ» (в сентябре 2001 г.) не дает ответа на этот вопрос.

Я не журналист и могу только заметить, что в наших СМИ термины «средства массовой информации» и «средства массовой коммуникации» (СМК) часто употребляются как синонимы. Возможно, на факультетах журналистики учат не так, но такова жизнь³⁶. Я поясню далее, о чем идет речь, пока же скажу, что «НГ» была если не единственным у нас, то наиболее ярко выраженным (может быть, надо оговориться: офлайновым) СМК. В других газетах я как-то не встречал рубрики «Полемика», да еще и в придачу к полосе, отданной письмам читателей, и рядом с «Круглыми столами», где шла своя, внутренняя дискуссия. Эти «Круглые столы» по разнообразным, но всегда актуальным вопросам тоже

³⁵ Я только добавил к старому тексту несколько пояснительных примечаний.

³⁶ Оказывается можно учить не так, но еще похлеще. Я имею в виду опубликованный недавно фрагмент конкурсной студенческой работы, где, противопоставление СМИ и СМК основано на представлении об односторонней «коммуникации» и на том, что «основной функцией массовой коммуникации является воздействие на аудиторию». Следует ли из этого, что информация – надо полагать, в силу своей объективности – на аудиторию никак не воздействует? Тогда, правда, непонятно, кому и зачем нужно ее передавать и получать. Не даю ссылки, чтобы не обижать ни в чем не повинного студента.

были фирменным блюдом «НГ». Со сказанным тесно связана вторая особенность «НГ», в отличие от некоторых ежедневных газет культивировавшей на своих страницах публицистику. Кстати, субъективированность, ярко выраженный авторский характер материалов представляется мне важным отличием СМК от СМИ. Третья и важнейшая, с моей точки зрения, отличительная особенность «НГ» состояла в двойной ориентации: стандартной – на новости дня и совершенно нестандартной – на будущее, «несбывшееся» (А.Грин). Эта «футуристическая» ориентация проглядывала в материалах рубрики «Идеи и люди», специально под нее было задумано, и до последнего момента выходило приложение «НГ-Сценарии»³⁷. В целом, при всей определенности политической позиции Третьякова как главного редактора (а скорее, благодаря этому), НГ была ориентирована на диалог – авторов с читателями и друг с другом, – а не на монологичное и безличное информирование читателей всезнающими журналистами. Грань между пишущим и читающим в НГ стиралась, и это кажется мне тем более важным, что сохранялась жесткая граница между теми, кто писал в газету, и теми, кто ее делал.

В течение месяца после ухода Третьякова все эти особенности газеты как корова языком слизнула³⁸. Не знаю, существовала ли писанная концепция «НГ». Я ее не видел, имел только случай устно и письменно обсуждать с Третьяковым замысел НГ-Сценариев и его реализацию. Так что за вычетом этого последнего момента все сказанное – не более, чем моя реконструкция. Реконструкция, но не фантазия – это подтвердит любой внимательный читатель «НГ». Я же могу добавить к сказанному, что, на мой взгляд, три перечисленные особенности «НГ» задают облик газеты будущего, какой она мне представляется.

Попробуем разобраться, в чем смысл отмеченных особенностей, и на каком основании я говорю о старой «НГ» как о газете будущего.

Взгляд в будущее: информация или коммуникация?

Единственным основанием для квалификации чего-то как ростка будущего может быть более или менее развернутое представление о будущем. Я не раз выступал на эту тему, в том числе и в «НГ», но, как выясняется, на самый важный для газеты аспект должного внимания в газетных публикациях не обратил. Речь идет о нашем представлении общества будущего как информационного (такое представление пока господствует), либо коммуникационного, общества диалога. Вопрос этот непростой, но на родине Михаила Бахтина и Георгия Щедровицкого, надеюсь, все же доступный читателям.

Если не вдаваться в академические подробности, можно сказать, что представления об «информационном обществе» основаны на повышенном внимании к технологической составляющей «информации» в ущерб содержательной и на бесосновательном расширении понятия «информация», при котором и зна-

³⁷ Симптоматично, что вскоре после ликвидации «НГ-сценариев» свои «Сценарии» появились в интрнетовском «Русском журнале».

³⁸ Может быть, сейчас это кажется преувеличением, но не забудем, что текст писался летом–осенью 2001 г.

ния становятся информацией, и диалог превращается в обмен все той же информацией. Технологическое видение мира, бесспорно, важно, но мне как-то не хочется жить в обществе, где такое видение является определяющим и господствует информационный подход. (А иначе, зачем было бы называть общество «информационным»?) Ведь с этой точки зрения, главное в любом тексте – информация, при том, что в телефонном справочнике информации заведомо больше, чем в сочинениях Канта, а информационная емкость объяснения в любви (или объявления войны) не зависит от того, происходит ли оно актуально, здесь и теперь, или я читаю о нем в книге на сон грядущий.

Стоит еще сказать и о том, что в обществе, где знания не отличают от информации и работают с любыми новыми сведениями как с информацией, невозможны никакие перемены. Это закрытое общество. Здесь все идет по раз и навсегда заведенным и научно обоснованным правилам оптимальной передачи информации, способы употребления которой наперед известны, тем паче в сфере информации массовой.

Я вообще не понимаю, почему такую частную, технологическую характеристику («информационное») надо класть в основу определения общества будущего. Почему не воспользоваться другими известными идеями и не говорить об обществе интеллектуальном, программируемом, сетевом и т.д.? Но если уж на то пошло, то я предпочел бы жить не в информационном обществе, а в обществе коммуникативном, диалогическом, многоголосом; в обществе, где слова несут не только энное количество бит информации и имеют не только значения, регламентированные словарем, но получают и неповторимые, ситуативные смыслы; где одно и то же высказывание будет пониматься разными людьми и в разных обстоятельствах по-разному; где люди будут вести себя не только в соответствии с получаемой информацией (как на углу у светофора), но и в зависимости от ситуации совершать поступки, продиктованные своими ценностями и сознанием ответственности за них.

Все это ничуть не мешает любителям и специалистам смотреть на мир сквозь информационные очки: иногда это даже необходимо. Я возражаю только против того, чтобы такие очки надевались всем и всегда: выбор очков – дело сугубо индивидуальное. А уж объективировать мир (и общество), увиденные сквозь унифицирующие (неважно, розовые, голубые или информационные) очки – вовсе последнее дело. Поэтому меня не вдохновляет термин «средства массовой информации». Поэтому мне кажется очень важным сохранение баланса между тремя составляющими («векторами») журналистики: информационной, авторитарной и коммуникативной.

Пolemика и публицистика

Понятно, что публицистика относится к третьей из названных составляющих, однако во избежание недоразумений скажу пару слов и о двух других. Применительно к информационной (или информационно-познавательной) составляющей надо подчеркнуть одно обстоятельство, касающееся старых споров об «объективности» информации. Различение фактов и их интерпретации,

новостей и комментариев к ним стало уже, кажется, общепринятым, но далеко не общепринято представление о самих фактах, сообщаемых в новостях. Бытует мнение, что факты эти существуют независимо от нас, и дело журналиста – сообщить их с максимальной, едва ли не научной объективностью. Собственно, в этом и состоит суть «информирования». Но, во-первых, «фактов» в нашем мире бесконечное множество, и, хочешь – не хочешь, приходится ограничиваться лишь малой выборкой из них. Во-вторых, факты эти многомерны и многолики: «с какого бока» представить тот или иной факт, – выбирает журналист, и выбор этот диктуется его позицией. Так что «факты», попадающие в новости, и события в нашем мире – совсем разные вещи. Прежде, чем стать достоянием публики, информация проходит двойной–тройной фильтр. Лишь ничтожно малая толика происходящего попадает на ленты информационных агентств, причем попадает сугубо выборочно: только то (и поданное только так), что (и как) может, с точки зрения журналиста, заинтересовать публику. Еще более прозрачна, хотя принципиально ничем не отличается, ситуация первичного отбора и представления фактов в работе репортеров. Но и эти уже отцеженные факты отнюдь не все и не в полном объеме попадают в сводки новостей. Хотя бы по той очевидной, хотя и не единственной причине, что наряду с прокламируемой целью информации, за кадром присутствуют не афишируемые столь широко цели: повысить рейтинг своего издания (передачи), изменить в нужную сторону настроение публики и т.д.

Короче говоря, субъективность в отборе фактов так же неизбежна, как и при дальнейшей их «сервировке» и интерпретации. Но если интерпретацию и комментарии можно от фактов отделить, то разделить отбор и факты или подачу и факты невозможно. Важнейшее же различие этих двух технологических уровней – в степени осознанности и осмысленности субъективизации, что и заставляет писать об этом снова и снова. Журналисту не дано иного, как выражать свою и своего издания (телеканала, радиостанции) точку зрения на череду событий в городе и мире.

Говоря об авторитарной составляющей, я имею в виду не столько практику политически ангажированных журналистов, сколько идеал их культурной ангажированности. При всей нашей возможной толерантности и даже политкорректности культура устроена иерархически – такова ее конституирующая особенность, иначе она уже не культура, а что-то иное. Среди прочего это имеет прямое отношение к упоминавшемуся отбору и подаче фактов: здесь можно идти на поводу у публики, а можно (и нужно!) поднимать ее культурный уровень. Нравится это кому-то или нет, но СМИ играют важнейшую роль в так называемом «социальном конструировании реальности», а потому журналисты, по идее, выступают в роли культурной и интеллектуальной элиты общества. Вот только как они с этой ролью справляются фактически?

Если с учетом сказанного обратиться теперь к публицистике, легко видеть, что сам этот жанр – с неотъемлемой от него полемикой – при ярко выраженной авторской позиции («субъективизме») и четкой адресности представляет собой форму диалогического высказывания. В этом смысле публицистика и полемика – несущие элементы СМК, причем очень важна двойная направ-

ленность публицистических выступлений: на читателя, которого автор хочет, так или иначе, приобщить к своей позиции, и на оппонентов, придерживающихся иных точек зрения на обсуждаемый предмет. Равнодушия к себе и своим проблемам читатель не простит: зачем ему грызня яйцеголовых авторов между собой. Равнодушия к инакомыслящим не простит тоже: нежелание или неумение слушать и слышать, неуважение к оппонентам со стороны очень заметны.

Вообще равнодушные–неравнодушные, может быть, – ключевые слова для нашей темы. Равнодушной публицистики не бывает. Равнодушный редактор не будет публицистические выступления печатать, а равнодушный читатель читать. СМИ нужны всем: как минимум, чтобы узнать прогноз погоды. СМИ нужны только неравнодушным, тем, кто имеет гражданскую позицию и собственный взгляд на мир. Статистика говорит, что это примерно 3% населения. Но ведь эти три процента и делают наш мир таким, каким мы его знаем. Я думаю, что неслучайно дискуссии на страницах НГ получали отклик в профессиональных сообществах. И если политологическое «эхо» дискуссии в газете не слишком удивляет, то бурная реакция философского сообщества на «Круглый стол» в «НГ-Науке» – явление, прямо скажем, неординарное³⁹.

Но и все сказанное выше сказано не «вообще», а на материале этих и других дискуссий в «НГ». Однако эти дискуссии говорят больше.

Сценарии, проекты, программы

Они говорят, в частности, о глубинной связи доминанты «информирующего монолога» в наших СМИ с господством в нашем сознании ретроспективной ориентации. Ведь всякого рода «итоги», «вести» и «новости недели» явно или неявно претендуют на объективное представление прошедшего. «Нравится вам это или нет, но вот, что произошло».

Об идее «Сценариев», как перспективного взгляда в будущее, противопоставлявшего их «итогам», я впервые услышал от Виталия Третьякова. (Для особо въедливых оппонентов замечу, что речь шла именно о противопоставлении итогам, так что обсуждать здесь различия прогнозов и проектов, сценариев, программ, планов и т.п. преждевременно.) Идея эта казалась мне тогда и кажется теперь прекрасной; в качестве автора я приложил максимум усилий для ее реализации⁴⁰. Один из наиболее привлекательных моментов такого подхода видится в том, что планы на будущее (в отличие, например, от прогнозов погоды) всегда субъективированы, а потому легко порождают дискуссии и вписываются в контекст диалога. Опыт свидетельствует, что таким же свойством обладают и претендующие на научную обоснованность и объективность социально-политические прогнозы. Между прочим, далеко не случайно. Остается только пожалеть, что я лишен возможности развивать здесь эту увлекательную тему: именно с ней связана была упоминавшаяся философская дискуссия.

³⁹ См. мою статью в журнале «Полис», №6, 2001, а также сборник «Судьбы естествознания: современные дискуссии» (М., ИФ РАН, 2000). Реакция газеты на выход книги – дело обыкновенное, но издание книги в ответ на газетную публикацию дорогого стоит.

⁴⁰ См., в особенности, две статьи в НГС, №1, 1998 (вторая под псевдонимом «М. Владимиров»).

«НГ-Сценарии» просуществовали лет пять, но, по-моему, реализовать полностью идею Третьякова так и не удалось. Похоже, что она опередила возможности своих ответственных редакторов (или свое время?)

В заключение замечу, что привычки автора «НГ» сказались и в настоящем тексте. Он субъективен, ориентирован не столько на прошлое, сколько на будущее, рассчитан на полемику.

Литература

- Бадью А. Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Критическая масса, № 1, 2003.
- Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии, № 3, 1993.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика, СПб., 1999.
- Валери П. Взгляд на современный мир // П.Валери. Избранные произведения. М., 1936.
- Дзялошинский И.М. Культура, журналистика, толерантность // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002.
- Друкер П. Новые реальности. М., 1994.
- Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XX в. (Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий) // Полис, 26, 2001
- Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г. «Искусственное» и «естественное» в семиотических системах // Семиотика и восточные языки. М., 1967. (Статья перепечатана также в «Избранных трудах» Щедровицкого (1995).)
- Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Русский журнал, <http://www.russ.ru/politics/20021127-mcbr.html>. (См. также «Вопросы философии», № 1, 2003).
- Малахов В. Культурный плюрализм мультикультурализм // Логос, № 5-6 (26), 2000.
- Муратов С. ТВ – эволюция нетерпимости. (История и конфликты этических представлений). М., 2001.
- Наумов С.В. Представление о программах и программировании // Вопросы методологии, № 1-2, 1992.
- Никитаев В.В. Пресса и журналистика в рамках культуры // Вопросы философии, № 2, 1998.
- Пави П. Словарь театра. М., 1991.
- Павловский Г.О. Интересы Москвы на Ближнем Востоке // Русский журнал, 4.02.03: <http://www.russ.ru/politics/20030204-inter.html>
- Панфилов О.В. Ошибки «Норд-оста»: почему власть перекладывает свои ошибки на журналистов? // Независимая газета, 29.11.2002.
- Попов С.В. Конкурс – это пусковой механизм общественных изменений // Кентавр, № 21, 1999.

- Попов С.В.* Методология организации общественных изменений // Кентавр, № 26, 2001.
- Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ развития РФ... Приложение № 2 к Постановлению Правительства РФ от 27.08.1992, № 638.
- Рац М.В.* Почему мы хорошо живем или что такое «программа» // Сегодня, 19.02.1994.
- Рац М.В.* Политика развития: первые шаги в России. М., 1995.
- Рац М.В.* Журналистский цех в современной России /// ОНС, № 6, 1998.
- Рац М.В.* Культура мира в России // Власть, № 3, 1999.
- Рац М.В.* «Российский проект в глобальном контексте»: идеология развития в политике // Полис, № 6, 2001.
- Рац М.В., Карнозова Л.М.* Читая Сороса // Вопросы методологии, № 1-2, 1992.
- Рац М.В., Кравченко Л.П., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П.* Концепция и основные направления Программы развития культуры мира в России // Власть, № 6, 2000.
- Рац М.В., Ойзерман М.Т.* Размышления об инновациях // Вопросы методологии, №1, 1991.
- Русская идея: демократическое развитие России. Российский научный фонд. М., 1996.
- Серл Д.* Политика и гуманитарное образование // Отечеств. записки, № 1, 2002.
- Сорос Дж.* Советская система: к открытому обществу. М., 1991.
- Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов / Ред. Бакштановский В.И. и др. М.: 1995.
- Степанова О.* «Не терроризм, а новый тип войны»: интервью с П.Г.Щедровицким // Самара, октябрь 2001. <http://www.shkr.ru/lib/publications/5>
- Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой Журналистике / Под ред. Л.М.Карнозовой. М., 1996.
- Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
- Фромм Э.* Иметь или быть. М., 1989.
- Фукуяма Ф.* Началась ли история опять? // Русский журнал, 6.11.2002. (Перевод из «Policy», June-August 2002)
- Шампань П.* Двойная зависимость. Несколько замечания по поводу соотношения между полями политики, экономики и журналистики // Socio-Logos'96. М., 1996.
- Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995.
- Щедровицкий Г.П.* Программирование научных исследований и разработок // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 1. М., 1999.
- Щедровицкий П.Г.* На пути к новой экономике // ИА «Новости гуманитарных технологий», <http://www.gtnews.ru/cgi/news/view.cgi?goto=4146>
- Эко У.* Пять эссе на темы этики. СПб., 1998.
- Эко У.* От Гутенберга к интернету // НЛО, № 32, 2000.
- Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / Под ред. В.М.Розина. М., 2002.